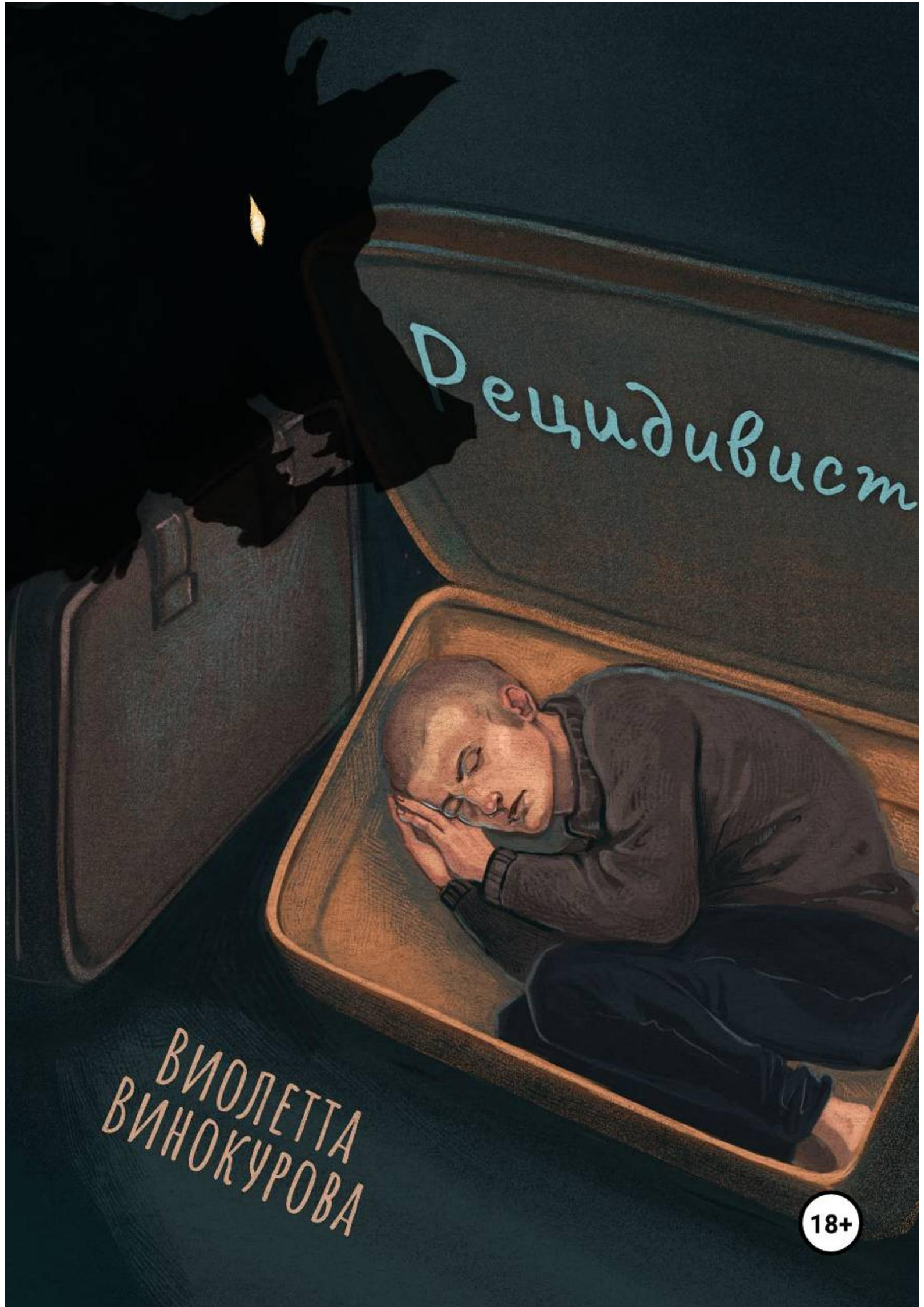

The illustration is a dark, moody scene. A man with glasses and a dark sweater is lying in a shallow, rectangular container, possibly a coffin or a box, with his eyes closed and hands clasped near his face. The container is set against a dark, textured background. A large, dark, shadowy figure looms over the man from the left, with a single, small, glowing yellow light source visible within its form. The overall atmosphere is somber and mysterious.

Рецидивист

ВИОЛЕТТА
ВИНОКУРОВА

18+

Виолетта Винокурова

Рецидивист

«Автор»

2026

Винокурова В.

Рецидивист / В. Винокурова — «Автор», 2026

Мальчик по имени Рана спрятался в чемодане, и весь свой мир он зарыл под землю. Для него отцовская кровь – неизгладимая хворь, и он мечтает погрузиться в долгий, непреступный сон. Рана живёт с баб Ниной, тёткой Райей и двоюродной сестрой Викой, работает официантом. В детстве Высоцкий научил его взламывать замки и воровать, но после его смерти, Рана три раза попался. Рана рассчитывал, что больше сидеть не будет, но в выходные он встречается с Хмурым и его компанией, а Хмурый хочет втянуть его в очередное дело, и не маленькое – на десять миллионов. Ленка, подруга Раны, говорит, что случайная встреча, незнакомец, глухонемой по имени Глеб может изменить всю его жизнь. А Рана не жаждет перемен, он просто не хочет снова оказаться в тюрьме. ISBN 978-5-6052893-2-6

© Винокурова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	46
-----------------------------------	----

Виолетта Винокурова

Рецидивист

Виолетта Винокурова
Рецидивист

Екатеринбург
Издательство Тире и точка
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В49

Виолетта Винокурова
Рецидивист

Винокурова, Виолетта

В49 Рецидивист: роман / Виолетта Винокурова. – Екатеринбург: Издательство Тире и точка, 2026. – 425 с.

ISBN 978-5-6052893-2-6

Мальчик по имени Рана спрятался в чемодане, и весь свой мир он зарыл под землю. Для него отцовская кровь – неизгладимая хворь, и он мечтает погрузиться в долгий, непроступный сон. Рана живёт с баб Ниной, тёткой Райей и двоюродной сестрой Викой, работает официантом. В детстве Высоцкий научил его взламывать

замки и воровать, но после его смерти, Рана три раза попался. Рана рассчитывал, что больше сидеть не будет, но в выходные он встречается с Хмурым и его компанией, а Хмурый хочет втянуть его в очередное дело, и не маленькое – на десять миллионов. Ленка, подруга Раны, говорит, что случайная встреча, незнакомец, глухонемой по имени Глеб может изменить всю его жизнь. А Рана не жаждет перемен, он просто не хочет снова оказаться в тюрьме.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Виолетта Винокурова, 2026

© Ирина Кварталова, иллюстрация на обложке, 2026

ISBN 978-5-6052893-2-6 © ООО «Тире и точка», 2026

Всем, кто прячется в чемоданах.

Рукопись:

1. Псины сутулые

Важный-преважный голос из шипящего телека говорит, что доллар растёт, а рубль дешевеет. Или наоборот: доллар слабеет, а рубль крепчает. В последнее время валюта только это и делает, а я всё так же продолжаю в этом не разбираться. По итогу важно лишь то, какие ценники тебя встретят в «Пятёрке» рядом с домом и «Семишагофф» после изнурительной рабочей смены, а ты надеешься лишь на то, что в сумке где-то завалялся паспорт, чтобы энергетик продали, потому что без него никак. Никуда. Не-а. И шагу не ступить. Энергетик перед рабо-

той, на перерыве, после работы и только чтобы дойти до дома, закрыться в комнате и залечь на дно.

Я отрываю тесто от жаренного, маслянистого пирожка с капустой и сую в рот.

Жарко, душно, несмотря на открытое окно, кофта липнет к спине. Я оттягиваю воротник. Дело, конечно, в ней, надо снять, но я не сниму. А ещё дело в плите, у которой толчётся баб Нина в своём голубом, безразмерном халате с фиалками. Сама она такая же безразмерная, только чуть меньше, чтобы в него была возможность помещаться. Прыгает по кухне от миски с тестом к миске с капустой и к тарелке с яйцом. Выдёргивает жирными руками тесто, крутит, разрезает, раскатывает, добавляет начинку и всё сворачивает. Хлопает шмотки на сковородку, не парится о том, что попадёт на халат. У неё таких безразмерных халатов с фиалками целый шкаф: и для готовки, и для уборки, и на выход в магазин.

Я продолжаю отдирать кусочки и следить за ней.

Рукав короткий, предплечья открыты, кожа на них обвисает и колыхается при каждом резком, отточенном годами домашней практики движении. Разве не удивительно то, сколько делают старики и при этом какими жирными могут быть? Баб Нина работает одна по дому, помощи никогда не просит, всё сама-сама: сама полы пропылесосит, помоеет, сама стирает, развесит, сама натрёт ванную, туалет, всё приготовит, посуду за всеми помоеет и при этом ни грамма не сбросит, останется огромной, как Зефирный Человек из «Охотников»¹. Откуда только берётся? Или это оттого, что её кожа этот самый жир с плиты впитывает? Баб Нина от неё отходит только для того, чтобы убрать в квартире, после возвращается. Это сейчас завтрак, а после обед, а за обедом ужин, потом спать и снова вставать, завтрак-обед-ужин, и так каждый день, а ты что, Шура, думал? А Шура ничего не думал, он отрывал тесто, и ел-ел-ел, и слушал вполуха вместе с Викой за одним столом из шипящего телека, что там происходит в политике этой. Ни он, ни она ничего не понимали и понимать не хотели.

Баб Нина бросает на меня взгляд.

– Шура! – взвизгивает, будто я пирожок этот с пола поднял. Зачем поднял? Целая миска перед носом стоит! Выбрось и бери нормальный, ты же человек, а не свинья! – Нормально – нормально ешь!

– А я и ем, – говорю и продолжаю отрывать по кусочку, а её это выводит.

Не так себя с едой ведут, Шура, ты что, бабушку не уважаешь? Да кого бы Шура в своей жизни, кроме Высоцкого, уважал, скажи на милость?

– Вкусно очень, – продолжаю, – хочу растянуть удовольствие.

– У тебя целый таз этого удовольствия, – хмурит она седые брови и кивает на стол, на миску перед Викой, которая целую вечность жуёт один пирожок, прямо как я. Растягивает удовольствие.

Сдаюсь и откусываю.

– Правильно-правильно, – кивает она так усиленно, что гулька ездит по затылку вперёд-назад, – ещё в комнате – в комнате своей приберись, сколько прощу? Чемоданы убери. Ты что, Шура, куда-то собираешься?

– Никуда я не собираюсь, – отвечаю даже не ей, а себе, напоминая, что никуда я не собираюсь, правда, никуда мне больше отсюда не деться.

– Ты же знаешь, нельзя тебе! Никуда! Ну кто тебя примет? Ни-кто! А мы – мы семья твоя, кровь твоя, самые близкие и родные! Отец твой... Сын мой, дурак, конечно, большой дурак, что поделал, какой уродился... – Сам не замечаю, как разрываю пирожок напополам, зато отчётливо понимаю, когда хочу кинуть эти две жирные половины – в голубые фиалки и потрясывающуюся перед глазами, заикающуюся массу лишнего веса. – Никуда тебе, Шура, нельзя, а если это повторится, извини, но... И от нас помощи можешь не ждать... Сам пони-

¹ Имеется в виду франшиза «Охотники за приведениями» (здесь и далее примечания редактора).

маешь, ты не ребёнок, тебе уже двадцать семь... Понимаешь же, для двадцати семи это много, поэтому чемоданы свои убирай и баулы. Баулы-то тебе зачем, Господи, помилуй? Всё собрать хочешь? И вещи – вещи наши?

– Никуда я не собираюсь, – повторяю я громче, чтобы она услышала на этот раз и кидаю разорванную капусту на тарелку, салфетками оттираю пальцы.

– Ну и хорошо – хорошо, так и надо. И одеяло с пола убери. Зачем кидаешь? Тебе двадцать семь, а не семь! В комнате порядок – порядок должен быть, а не свинарник! Слышишь, Шура? Шура? Я к кому обращаюсь?

Салфетку тоже кидаю на тарелку, киваю этому седому голубому халату, не знает только он, что одеяло лежит не на полу, а в чемодане, но ему это неважно, в таких тонкостях не разбирается, прямо как я в том, что говорят по телевизору. Что-то говорят, про доллар, про рубли, про повышение и понижение, про то, что цены изменятся, а цены изменятся точно в сторону неба вот и всё – это всё, что надо знать.

Смотрю на Вику, а она – на меня своим черепашным заспанным взглядом. Взглядом человека, который живёт с баб Ниной и тёткой Расей все свои несчастные десять лет. Мне повезло – всего лишь год, а она от самого рождения. Каждый день эту бестолочь выслушивает. Иногда везёт, ничего не говорит и только у плиты стоит, а иногда «берётся» за воспитание и начинает: Вика сделай то, Вика сделай сё, а у Вики в голове «Геншин импакт»² и ивенты³ на получение персонажей и Камней Истока. Естественно, в картину мира баб Нины «Геншин» не входит, аниме-мальчики и девочки тем более, платить реальные деньги за цифровых «вайфу»⁴ – что за дичь, Вика, ты слышишь меня? А Вика хочет простого счастья для десятилетней девочки, у которой есть интернет и свора подруг, которые любят одно и то же – быть в компании и говорить: «Смотри, кто мне достался с баннера»⁵, и довольствоваться персонажем, как покупкой новой сумочки или юбки. Времена брендового шмота прошли, цифровые аниме-персонажи – вот что захватывает внимание.

Единственное, в чём Вике повезло, – это в том, что в основном воспитывает её баб Нина, тётке Райе пофиг. Ей на всё пофиг. Если бабка толчётся на кухне, то та валяется днями напролёт в комнате и смотрит телевизор там, выходит только в туалет, а жарчку ей приносит бабка: «Раечка, кушать хочешь? Я пирожков – пирожком напекла, будешь?», и понимаешь, что при таком отношении самый безразмерный человек в этом доме – это моя тётка, и после этого бабка что-то будет говорить про моего отца. Нос не дорос, как бы башка седа ни была.

Вика чешет мою ногу тапкой и наклоняется ко мне.

– Это правда? – шепчет, чтобы баб Нина за шкворчанием сковороды ничего не услышала. Со стороны меня будто обдаёт её жаром, хотя разделяют нас полтора метра.

– Что правда?

– Что ты собираешься уехать?

– Нет, – выдыхаю я и мотаю головой, – я просто вещи убрать не могу.

Вика тоже выдыхает. Опускает острые плечики, торчащие из-под майки, и моргает ослабленно несколько раз, чтобы развеять пелену перед светло-серыми глазами.

– А я испугалась...

² Genshin Impact – многопользовательская онлайн игра с возможностью получения новых персонажей с помощью внутриигровой валюты – «Камней Истока».

³ Ивент – внутриигровое событие.

⁴ Вайфу – пришедшее из японского сленга искажённое произнесение английского «wife» (жена). Употребляется по отношению к персонажу, к которому ты испытываешь романтический интерес или симпатию. Из-за того, что слово приобрело несколько ироничное значение, может относиться к персонажу любого пола.

⁵ Баннер – в этом контексте обозначение времени, за которое в игре можно получить определённого персонажа. Внутри игры вывешивается баннер, показывающий, каких персонажей можно получить сейчас.

– Куда я денусь? – усмехаюсь. – Сама же знаешь. – Указываю на бабу. – Всё как она сказала, мне больше идти некуда.

– А если бы было, пошёл?

Маленькая, а такая сообразительная. Или они все такие умные в свои десять лет, или это я был слишком тупым в свои?

– Наверное, но кому я такой нужен? Сама же знаешь, рецидивист сраный...

– Шура! – и снова визжит. – Ты как – как выражаешься? – смотрит хмуро, строго, будто её слова должны подействовать на Шуру, которому уже двадцать семь лет. Должны. Конечно. Несколько миллионов раз. Если ничего из этого не подействовало на её сына, который большой дурак, то как должны подействовать на сына её сына? Кажется, логическая цепочка ясна и понятна. Но не ей.

– Да случайно вырвались, – хлопаю для вида себя по губам. – По привычке, знаешь же, что с такого человека взять.

– Шура... – вздыхает она и окончательно портит наш диалог. – Ты же лучше – лучше своего отца... Не будь как он...

Проблема в том, что он никогда и не говорил «сраный». Ему это не было нужно. В отличие от меня, он был реально как Высоцкий, наученный, начитанный, ему всегда можно было только поражаться, как он додумался, как он научился, как он всё это узнал? Или все отцы в глазах сыновей такие? Крутые бати, которые даже в засаленной майке с дырками, пивным животом и матами через слово вызывают тонну уважения, потому что показали, как менять в машине масло? Этого Высоцкий мне никогда не показывал.

– Зачем – зачем тебе быть как он? – Вика берёт второй пирожок – вроде как с яйцом, и принимается отщипывать, как я, тесто, пока баб Нина не видит. – Помер, как собака, тебя оставил, и на кого? Ни на кого! Бросил, ни о чём не подумал, никого не предупредил! А если бы мы тебя не нашли? То чтобы было? Господи, помилуй, страшно – страшно представить!

– И спасибо вам за это, – говорю между делом.

– Шура, пойми, это всё ради твоего – твоего, а не чьего бы то ни было ещё блага! Кому это ещё нужно, кроме тебя? – Могла бы ради моего блага спросить, а что мне надо, ровно как и у Вики, уверен, она даже не знает, что «Геншин импакт» так называется, а про кучу персонажей я вообще молчу. – Дурак был Вова, ой какой дурак, не уследила я за ним... – заныла. Неожиданно быстро, но тихо, прячась за спиной и шумом от сковороды, а Вика снова потёрла мои штаны своей тапкой и покачала головой.

«Не слушай её», – шепчет мне губами, отрывая по кусочку теста и протягивая мне, будто я сам не в состоянии сделать. И кто из нас старший? В этой семье старшая она – это однозначно, а я тут так, на время, прибилсь в гавань год назад, что-то делаю, комнату занимаю, а из-за меня Вика должна с мамкой своей спать на раскладушке рядом с кроватью, но не жалуется, ни разу не сказала, что это я козёл такой, выгнал её, потому что мужик и должен спать отдельно от всех Высоцких в этой квартире. Ничего мне не сказала, не посмотрела укоризненно или хмуро, как баб Нина, нет, она, пожалуй, одна, кто смотрела и думала, а почему к Шуре такое отношение? Да и называла она меня нормально. Нормально, когда ни бабки, ни тётки не было рядом. Потому что они не понимали, как можно человека – родного человека называть по фамилии. Это ненормально. Ну а мне нормально, сам же прошу, и отец меня так называл... Привык, мне моя фамилия – больше имя, чем настоящее и «Шура» тем более, которым меня пичкает бабка постоянно.

– Господи, помилуй... – Она махает полотенцем и перепрыгивает к раковине, полоскает лицо, Вика принимается нормально есть пирожок, а я – вытирать пот со лба длинным рукавом. – А чего вы не едите? – замечает наконец-то. – Я ради кого – ради кого готовила? – Руки в бока, брови на глаза. – Ешьте давайте! Пока не съедите, не уйдёте! – Подскакивает к плите, а я приближаюсь к Викиному уху:

– И умрём мы от ожирения и холестерина.

Та кивает с таким видом, будто у неё не только черепаший взгляд, но и голова – большая, неподъёмная, и панцирь на спине тоже.

– Это самое тяжелое, – заключает она, – хочу, чтобы меня спас Кэйя...

Всё, что я знаю, что этот Кэйя – кто-то мужского пола из «Геншин импакт», но мне знаний достаточно, чтобы понять: этот персонаж ей милее тучной бабки в голубом халате в фиалку, да и вообще – я окидываю взглядом заставленную кухню: подоконника нет, два стола, за одним мы, на втором контейнеры с зелёной рассадой, под ними банки-склянки, табуретки, на нашем столе тарелки, корзины с печеньем и конфетами, кружки, соли, перцы, всего и побольше, а со стороны бабки вся кухня, а места мало, но ей есть где развернуться. Я бы и не удивился, если бы она сальтуху рубанула. Она бы смогла.

Я беру пирожок с яйцом и встаю. Треплю Вику по длинным волосам и говорю, что вкусно.

– Шура! Куда с едой в комнату?!

– А тёте Райе можно, а мне нельзя? – кричу из коридора. – Я доем до того, как в комнату зайду!

– Шура!

Шура-Шура, ну что ты делаешь? Послушай бабуку, уважь её, сколько можно? Так я ведь постоянно, я – не мой отец, разве я уже её этим не уважил? Она же этого хотела, она этого больше всего хочет. Ну а я бы хотел быть вместе с отцом, а не здесь. Как Вика сказала, если бы мне было куда пойти, я бы пошёл за ним, но он был против. Он всегда был против этого. Так и сказал мне. Сказал, что я дурак. Но сказал это не как бабука, он так никогда не говорил, улыбался мне слабо, трогал за лицо, щёки, лоб, виски, трогал, щупал кожу, чтобы убедиться, что я тёплый, мягкий, что я здесь, с ним, на самом деле, что я – не плод горячки и болезни, и говорил: «Ну что ты, Рана, вернулся? Я же говорил, бежать надо. Дурак ты... Дурак. Поймает он тебя... Поймает...» А отец не хотел, чтобы меня поймали, никогда этого не хотел. Он хотел защитить меня любой ценой и прятал постоянно, ото всех, чтобы никто не прознал, я сам себя сдал с потрохами, не убежал, вернулся, показался. Сам виноват. Сам виноват, что оказался здесь и должен выслушивать бабуку. Ну хоть тётка мозги не компостирует и то, только потому что из комнаты не вылезает. Не может. Не умеет уже. Приросла, наверное, кожей к кровати, отрезать надо скальпелем, приедут когда-нибудь врачи и будут её на живую резать, а потом вчетвером нести, потому что двое не справятся. Шучу. В туалет же ходит, значит, отлипает, не могла бы отлипнуть, под себя бы испражнялась, и тогда бы терпеть не смогла Вика и забила бы тревогу. Или ей хватает того, что мать даёт деньги на «Геншин» и позволяет играть с компьютера пару часов вечером? И поэтому можно замолчать о проблемах? Вполне можно, если такова цена маленького детского счастья.

Доев пирожок и облизав пальцы, я переодеваюсь. Меняю чёрную кофту на серую, и несмотря на то, что «Озон» называет её «тонкой» при тридцатиградусной жаре за окном это не имеет значения. Это неправда. Она не тонкая. Это всё обман. Домашние штаны тоже заменяю уличными, но и здесь ситуация не лучше, и то, что меня действительно спасёт под солнцепёком, – кепка с прямым козырьком.

Лето удаётся на славу, знойное, жаркое, без дождей, а мне это всё мучения. Поправляю кепку и выхожу в коридор, прикрывая дверь. Замка у меня нет. Есть внутри, но не снаружи. Зачем тебе, Шура, закрываться? Что ты там прячешь? Тебе есть что прятать? А раз нечего, то и закрываться незачем. Оттуда бабука и знает, что у меня срач в комнате, что чемоданы и баулы валяются, и одеяло вместе с ними. Заглядывает, проверяет, чтобы ничего лишнего не затесалось. Я уверен, она ещё и по моим вещам шарится, но что самое необходимое, я всегда ношу при себе. Что необходимо, я никогда не оставляю там, где это могут украсть, где за это могут предъявить, а она может, а мне этого не надо. У неё и так в мозгах слишком много власти, больше повода давать ей я не собираюсь.

Вике машу рукой из коридора, баб Нине ничего не говорю, а дверь закрываю с обратной стороны. Шлёпаю пешком двенадцать этажей в прохладе затхлого, пахнувшего мочой подъезда, а следом окунаюсь во влажную духоту улицы. Ткань липнет к телу, воздух оседает каплями в горле, я машинально тру рукой под кепкой, поправляю её и набираю темп до гаражей. Благо хоть идти недолго. Каких-то десять минут, которые я рыскаю по теням, только бы не ступить на солнце. Потому что «солнце – это лава», а сгорать заживо я не хочу. Сгорю, как Терминатор, и я не «be back», уж точно «не».

По пути вижу девчонок, не моих ровесниц, младше, всех раздетых, в топиках, коротких шортиках, с перекатывающимися складками ягодиц и виляющими из стороны в сторону бёдрами, но в первую очередь я думаю о том, что не стоит так вот класть мобильный телефон в задний карман. Он точит и его легко забрать. Одно движение и нет твоего айфона последней модели, который ты ещё неизвестно как достала, через родителей, парня или сэкономив на своих зубах, а мне ничего не стоит протянуть руку и взять его. Взять так, чтобы ты ничего не поняла, надо ли оно тебе? Почему люди ни о чём не думают? Им их вещи не нужны? А руки тянутся. Одна девчонка оборачивается. Думает, что я пялился на её зад. Самое время сказать: «Следите за своими телефонами, они могут выпасть», а если они сериаломанки, то могут ответить: «Чёрт его дери, да это же из «Святого Майка⁶»!»

Не скажут, точно не скажут, перешёптываются между собой, вместе смотрят, а я сворачиваю к гаражам. Среди множества цветных линий нахожу наш. Открыт, захожу без стука, все уже собрались. На меня обращают взгляды, а я лишь подтягиваю улыбку, которую хочу отбросить от себя не меньше, чем бабкины пирожки.

– Привет, Рана, – в своей учливой манере говорит Хмурый и тянет руку.

Не позать её у меня нет права. Он сам хватает, сам сдавливают, трясёт, будто мы закадычные друзья, а на лице та самая улыбка: «Мой друг пришёл, поприветствуете его все. Ну, Рана, скажи «привет». Чего молчишь, не скажешь?»

– Привет, – выплёвываю ненароком я, переводя глаза на Боба и Марли.

Вот эти двое закадычные друзья и нет, совсем не одно целое, но при этом образец того, как два совершенно разных человека могут быть абсолютно одинаковыми. Ещё и подстриглись оба под горшки, и теперь их совсем не отличить, как бы я ни старался, только по глазам и угадывай, у Боба они карие, а Марли – серые, волосы у обоих цвета канализационной грязи, кожа бледно-серая и загар её почему-то не спасает, одежда будто из одного гардероба – мешковатая, одутловатая. Иногда мне кажется, что они меняются. Что видел на одном, вижу на другом. А ещё зубы, зубы одинаково кривые и той же степени желтизны.

Часто подлиз в группе, шестёрка, сравнивают с гиенами из «Короля льва», а эти двое – точные копии медуз из «Подводной братвы»⁷. Один в один, только дреды им надо отпустить и закупиться шапочками самого Боба Марли.

Я усаживаюсь за свободное продавленное кресло с торчащей пружиной. Принесли его посреди ночи с мусорки, кто-то выкинул, мы заприметили, хотели облагородить, зашить, пружину спрятать, но руки так не дошли.

Хмурый из рюкзака кидает пиво. Ему без разницы, когда пить, утром, днём или вечером, так же как бабе Нине пофиг, когда готовить. В этом они схожи, и в этом их сходство заканчивается. Я щёлкаю банкой, даю жёлтой пене стечь по пальцам и присасываюсь к тёплому пойлу. Хмурый смотрит, ждёт слов. Благодарности. Идиот, забыл сказать.

– Спасибо, мне этого не хватало.

⁶ «Святой Майк» (Sankt Maik) — немецкий комедийный сериал про преступника-атеиста, который по стечению обстоятельств становится католическим священником.

⁷ «Подводная братва» — американский анимационный фильм 2004 года, снятый DreamWorks Animation.

А раз дал что-то он, я тоже должен что-то дать взамен. Это очевидно, но Хмурый только улыбается. Не как Высоцкий. Нет. Хмурый улыбается лживо, но ему все верят, потому что так улыбаются праведные, чистивые. Хмурый научился. Хмурый и сам не выглядит так, как выгляжу я или Боб с Марли, из всей нашей компании – он самый адекватный, самый нормальный, самый человечный человек, на которого бы девчонки посмотрели и сказали: «Блин, если он реально так смотрит на меня, то я и не против». Девчонки никогда не против таких.

У него эталонная внешность. Эталонная внешность среднего привлекательного человека, и даже мелкая тату на лице его не портит. Наоборот, добавляет этого самого – отличающегося компонента, который поможет этому среднему человеку выделиться. Под правым глазом египетский глаз. Что-то на -джет. Сантиметр-полтора. Строго, со вкусом. Сам Хмурый говорил что-то про то, что тату находится с правой стороны тела, что тату это правого глаза – символ солнца, всё это вместе – символ мужественности. Каким образом это всё является символом мужественности, я не понял. Да и какая разница? Ему не хватает того, что у него висит между ног, чтобы называть себя мужиком или как? Нужны какие-то ещё подтверждения? Если так, то смешно, потому что Хмурый не выглядит таким человеком, которому нужно что-то доказывать, это все остальные должны ему доказывать свою пригодность, мужественность и женственность.

– Как дела? – бросает мимоходом он, тоже прикладываясь.

Я делаю вид, что осматриваю гараж, будто вижу его в первый раз. Нас разделяет скелет разобранного пару лет назад автомобиля. Тоже его работа. Успешная. Ждёт, когда ещё один подгонят. Уже приметил, нужно выкинуть старый, ненужные детали, чтобы внести сюда новую птичку и препарировать её, а потом распродать. Лёгкая работа, но не по его профилю, поэтому и хранятся тут запчасти несколько лет, да и с машинами проблемнее, чем с другими материальными ценностями. Правильно с ними надо, чтобы не вычислили, не вышли. Аккуратно надо, так же как не позволять себе отращивать волосы для горшка.

– Нормально, – смотрю на Боба и Марли. Они палят в ответ, не понимают, чего я прицепился. Улыбаюсь им гадко и поднимаю банку. – За вас!

– Рана, ты знаешь, о чём я спрашиваю. – Начинается.

Конечно, я знаю, о чём он. Высоцкий мне бы такую глупость не простил. Нет, простил бы, он мне всё прощал, я же его сын, единственный, любимый сын, но он бы долго говорил, как должен был догадаться о том, о чём Хмурый говорит. Я должен. Никто не говорит в этом мире прямо, все ходят обходными путями и всем от тебя, Рана, что-то надо, поэтому смотри сам, вычисляй их раньше, чем они сдадут и поймают тебя, ты первый, а не они, иначе тебя поймают. Вот так говорил Высоцкий.

– Я говорил, что сейчас ещё не могу.

– И когда сможешь?

Боб и Марли таращатся. Ждут, когда препарировать меня, а если Хмурый этого не сделает, они тут как тут, готовят свои щупальца, чтобы ужалить меня, свернуть в водоросли и засунуть в пасть рыбе-тачке.

– Когда будет безопасно...

Прежде чем я заканчиваю, Хмурый откровенно заливается, стуча рукой по подлокотнику своего стула. Боб и Марли поддерживающе улыбаются, а мне не до улыбок. Это ему смешно, а мне нет. Вообще, ни разу нет.

– Ты ведь знаешь, никогда не будет! – Он утирает выступившие слёзы. – Скажешь тоже! Насмешил... – А я его действительно насмешил, аж самого пробирает от этого. – В этом деле только одно правило, Рана, – серьёзно говорит он, – не пойман – не вор. – Всплеснул руками, будто это самое простое, что можно сделать. Не быть пойманным за кражу. – Это всё, что от тебя требуется.

И что мне надо на это ответить? Круто, да, надо сделать так, чтобы меня не поймали. О'кей, тогда я просто никуда не пойду, чем я и занимаюсь постоянно, когда отказываю тебе, Хмурый. Алё, приди в себя и пойми уже, что мне это не всралось. Но он не поймёт, ему это не надо. Ему нужно, чтобы рядом с ним был я. Почему-то ему так надо.

– Очкуешь? – сочувственно спрашивает он, сводя брови. Делает вид, что вот это-то он понимает. Издаётся надо мной, и его мразотная улыбка делу не помогает. – Наверное, я бы тоже, если бы три раза сидел. Три раза – это дофига!

Боб и Марли ликуют: «Да, дофига!», так и хочется гаркнуть на них: «Посидели бы с моё, так бы не говорили!», но я лишь вздыхаю и закатываю глаза.

– Ну раз знаешь, зачем предлагаешь? – Я демонстративно пью его пиво, намекая, ты меня приглашаешь, знаешь, что я отвечу, но повторяешь этот ритуал из раза в раз, понимая, что я скажу, в чём профит? В чём прикол? Подоставать меня решил? Решил показать, какой ты крутой, раз тебе всего двадцать три, ни разу не сидел, а на поприще преступлений ты успешнее меня? Да, пожалуйста, мне какая разница? У меня баб Нина по комнате шастает, ищет краденые телефоны и кошельки, пинает мои чемоданы и баулы, причитает, что в комнате срач и я ничего не делаю, а тут ты кичишься тем, что у тебя вся мужественность с правой стороны.

– Потому что ты один такой, – ещё серьёзнее давит он и отставляет банку, наклоняясь над коленями, поближе ко мне. Но между нами всё равно скелет. Труп, остатки, кости, когда-то чего-то живого и работоспособного. – Мне нужны твои навыки. Они так не умеют. – О Бобе и Марли, и те согласно кивают.

Как с ними удобно: когда надо – кивают, когда надо – смеются, когда надо, уверен, и плакать, и умолять будут, всё сделают ради главной шишки.

– Найди кого-то такого же. Тебе труда не составит. Ты же крутой. – Так и говорю. – А я так... Рядовая пешка, которую ловили и ловили, а сейчас живу с тремя бабами и веду типа честную жизнь, – от которой воротит до висильной улыбки, – тебе нужен такой человек?

– Мне неважно, какую жизнь ты ведёшь, мне важно, что ты умеешь делать. – Думал, что этим отпугну, а ему без разницы. Вижу цель, не вижу препятствий. Он как Спирит⁸, уверенный в себе жеребец. Такой бы хоть где выжил, такой бы не дал себя поймать. Он – не я. Я – все эти остальные лошади в загоне, которые только с восхищением смотрят на дикого, необузданного жеребца. – Я говорил, ты получишь больше нас всех. И мы все с этим согласны. Разве риск не стоит того?

Риск быть пойманным и остаться без жилья с четвёртым приговором? Ему кажется, что стоит? Реально? Что у него в голове? Или это я уже такой старый, что тридцатник бьёт в голову и я не бросаюсь на амбразуру? Нет, это отец всегда так говорил, сначала ты думаешь, всё взвешиваешь, вычисляешь, решаешь, анализируешь, а потом делаешь выводы и принимаешь решения. Ты никогда не решаешь просто так, потому что «риск не стоит того». Если не стоит, мы не идём. Стоит только тогда, когда вычислены все переменные, так всегда было правильно и таким правильным для меня остаётся, а не то, что предлагает Хмурый.

По сравнению с Высоцким оратор из него такой себе. Ещё слишком молодой, опыта не набрался, да и меня не знает. Мало знает. Добиваю банку и прошу следующую. Хмурый спокойно мне её передаёт. Спокойно ждёт от меня ответа, не торопит. Что он точно умеет, так это ждать. Возможно, поэтому и не поймали. Потому что знал, как надо действовать, а я просто бестолочь и неудачник, который даже не может последовать заветам отца, а ведь обещал всеми силами.

– Мне нужно больше информации. – Щёлкаю кольцом. – Что, кто, куда, сколько... Пока ты не соберёшь эту информацию, я тебе ничего не скажу. Я не пойду туда, не знаю куда.

– То есть всё-таки согласишься?

⁸ Имеется в виду главный герой мультфильма «Спирит душа прерий».

– Не соглашусь, а подумаю. Я не могу согласиться вообще на то, о чём не имею никакого представления.

– Я описал тебе в общих чертах.

– А мне в общих не надо. Мне надо в конкретных, чётких деталях, когда я спрошу тебя, сколько людей в округе и кто когда уходит, и ты мне скажешь, кто и куда, и когда, понял?

Хмурый вида не подаёт, он умеет держать себя в руках, а я разогнал, почувствовал себя важной птицей, как Высоцкий, делаю вид, что я – это он, но всё ложь, и Хмурый знает, что я играю, что я несерьёзно, но если он даст мне эти сведения, если я их подтвержу, я задумаюсь над тем, чтобы ввязаться в дело, потому что шанс не будет казаться таким призрачным, потому что это будет уже почти так же просто, как своровать телефон из заднего кармана шорт у девицы днём.

Информация – это то, что нужно для того, чтобы упростить жизнь или полностью её сломать.

Заглатываю пиво. Что бы отец сказал? Так ли надо поступать? Он бы сказал, что ты, Рана, должен сам решать, тебе уже двадцать семь, пора уже самому, пользуйся тем, чему я тебя научил, но решения принимаешь ты, мальчик взрослый. Взрослый и самостоятельный, пусть и живёшь на шее у трёх моих родственниц. Трёх таких же Высоцких. Только ни одна из них не похожа на отца. И в кого он такой пошёл? В своего отца. А я в него нет. Только пытаюсь быть похожим, а сам непонятно в кого пошёл. В подражателя жалкого, который может только представлять, что говорят другие, напоминать себе о том, как было и как может быть.

– Я найду информацию, хорошо, – кивает уверенно Хмурый, и я отсасываюсь от банки, – но тогда я хочу получить от тебя хоть какой-то залог, что я сделаю это не зря.

– А то, что ты соберёшь информацию для своего дела, тебя это не устраивает? – Меня уже начинает развозить, я искренне улыбаюсь и говорю развязнее.

Говорить развязнее перед Хмурым сложно даже Бобу и Марли.

– Мне инфы так много не нужно, она пустая.

Пустая, говорит. Я откровенно ржу, откидываясь на спинку кресла и утыкаясь в пружину. Какое же у него самомнение! Подумать только, и это в двадцать три! А что у меня? Ни-хрена. Три приговора есть. Круто же? Круто! А у него незапятнанная репутация. До слёз обидно. Потому что я вспоминаю Высоцкого, который всему учил, а я всё испортил. Каждое его слово, которое теперь вырывается неконтролируемым смехом из моей глотки, а этот поток истерики никто не думает останавливать. То ли нравится, то ли ждут приказа со стороны Хмурого, то ли Хмурый думает, что мне так пиво в голову ударило. Да всё сразу, чего мелочиться? Никогда не стоит мелочиться, особенно на таких, как я.

– Юмора тебе не занимать, – еле выдавливаю из себя сквозь смех и боль в спине от пружины. – Пустая она... Как ты вообще работаешь?.. Нет, знать не хочу, как-то работаешь. Я так не работаю.

– По крайней мере, результаты у нас на руках, верно?

Я выдыхаю и смотрю на него затуманенными глазами.

– Да, верно. Поэтому ищи, а там решим, что я тебе буду должен. Тачку могу разобрать. Своими руками. В одного.

– А ты умеешь?

– Нет, но могу научиться. У меня же есть... «Навыки».

Хмурого это радует. Почему-то радует. Будто какие-то навыки у меня действительно есть. Я считаю, что для него у меня есть совершенно другие навыки, но как он достанет информацию по делу и по дому, там и решим, что именно ему от меня нужно, какую роль я должен буду сыграть, и эти двое – Боб и Марли – тоже ведь должны своё делать. Боб на стрёме, с тачкой, а Марли таскается с инструментами, на подхвате у Хмурого. Хмурый работает один, а эти двое его страхуют. Он никому не верит, а тут меня вызывает, чтобы я вместе с ним в доме

паштал. Явно же не просто так, нашёл он мне применение. Как же. Не верю я ему, но пока мы оба играем в друзей, всё нормально. Мы ведь играем, в этом есть своя выгода. Для обоих, я полагаю. Для меня хотя бы халявное пиво за его счёт.

Поднимаю банку и улыбаюсь довольно. Тост без слов, с одними эмоциями. На этом обсуждение заканчивается, как и моё включение в то, что они все говорят. Боб и Марли на протяжении дня и вечера пытаются угодить Хмурому и расщедрить его, рассказывают анекдоты из книжки «1000 и 1 анекдот», что-то про «фротник» и «фторнек», про то, что гадюки своих не кусают, а Марли говорит о том, как его дед на работе стал свидетелем того, что личный водитель замдиректора разнёс в хлам машину, когда выезжал из гаража. Оторвал бампер, с которым в багажнике ехали до мастерской. Хмурый всё выслушивал с улыбкой, несмотря на своё прозвище, хмурился он куда меньше моей бабки. Это она должна быть Хмурой, а он Улыбакой, только и я, и Боб, и Марли понимаем, насколько сильно прозвище Хмурому подходит, просто мало кто об этом знает. А кто не знает, тот счастливчик и может спать спокойно, думая, что «Улыбака» Хмурому подходит в сто раз лучше.

К вечеру я трезвею и уношу ноги, не забывая достойно поблагодарить Хмурого, опустившись морально ему в колени. Он это ценит, забывает обо всём том, что я мог себе позволить наговорить. Или он позволял мне такое говорить, потому что видел во мне какую-никакую ценность из-за тех навыков, которыми бы хотел воспользоваться. Кто знает. Может быть и так. Может быть, я ценней его медуз, только тачку водить не умею, а значит, быстро с места мы не свалим, Боб в этом плане по ценности меня перевешивает, а подачки таскать, как Марли, я подавно не буду. Так что эти двое – идеальный инструментарий для Хмурого. Вот что значит, удачно сошлись.

Заглядываю по пути в «Пятёрку», покупаю хлеб за четырнадцать рублей и направляюсь к пруду во дворах. Рыхлая земля, песок, трамвайные пути, минута красного света, двадцать секунд зелёного, пешеходный переход, детская площадка и рукотворный пруд с полукругом металлических скамеек, вокруг которых шествуют курлыкающие голуби, сразу заправившие в моих руках пакет. Я топаю, отпугиваю их и смотрю на воду, на круглых коричневых уток с парой фиолетовых перьев. Все самки, ни одного самца. Будто они здесь своей девичьей статей прячутся от спермотоксикозных селезней, которые в приступе осеменения готовы разорвать утку, лишь бы она не досталась другому самцу. Дикая природа удивительна тем, насколько жестока к своим собственным созданиям может быть. Вот уточки тут и прячутся.

Я раскрываю пакет и начинаю разбирать ломтики хлеба, а потом кидать в воду. Утки ловят сигнал, голуби тоже, только на воде они сидеть не могут, барахтаются, а я смеюсь. Жалею их и немного отщипываю им, кому-то кидаю целый ломтик и смотрю, как они борются безумно за него, отрывая по кусочку и отгоняя крыльями друг друга. Ещё немного крошу и закидываю в воду, откидываюсь на спинку и вздыхаю спокойно, когда пружина не упирается в спину, как нож в чьей-то руке, который сделает тебя инвалидом на всю оставшуюся жизнь.

Корочки хлеба кидаю уткам, а мякиш скатываю в шарик и прицеливаюсь в воду, в коричневую маленькую голову с жёлтым, плоским клювом, который говорит «кря-кря», не попадёшь, улечу, далеко-далеко, а ты, Рана, не улетишь, будешь тут сидеть на железе, париться в своей одежде, дышать тяжело и прикармливать уток, чтобы кидаться в них хлебом, улететь же ты не можешь, вот и играешь в войнушку с теми, кто кинуть в тебя в ответ ничего не может, в халат с фиалками пирожок же ты не кинул, верно? Не кинул. Тебя бы за это самого убили.

Мимо проходит человек, а за ним, счастливо мотая длинным хвостом, шерстлявое чучело. Я кидаю мякиш в пруд, не целясь в уток, а потом смотрю на псину, а за ней вижу новую. Время вечерних прогулок, и именно здесь, на этом тупом пруду, куда прихожу кормить тупых уток и голубей. Уродливые мопсы, кривоногие питбули, истеричные чихуахуа, чау-чау с некротными языками, тощие, скелетоподобные борзые, счастливые до безумия, будто с лоботомией и со слюнями на выверте грязные псины, которые вызывают омерзение и желание взяться

за ключи в кармане покрепче и проткнуть им глаза, только бы не смотрели. Не заикались, не скулили и не гавкали. И хозяева этих «верных друзей человека» ничуть не лучше, такие же идиоты с лоботомией, которые никогда не думают о других. Этих «верных друзей человека» ничуть не лучше, такие же идиоты с лоботомией, которые никогда не думают о других.

Выдыхаю через рот и запрокидываю голову, только бы не видеть это ходячее, четырёхногое недоразумение. Но я слышу, как они дышат через пасти, знаю, что они высовывают языки из-за жары, слышу, как шкрябают когтями по плитке, проходя рядом, и под кофтой спина покрывается гусиной кожей, которую хочется сорвать ножом для чистки картофеля, одним слоем, уверено, точно, быстро, без заминок.

Я тру мокрый лоб под кепкой, а животное дыхание звучит у самого уха. Псина будто забралась на скамейку, села рядом со мной, и её поганая пасть торчит перед моим лицом, будто это я хозяин, будто это я должен что-то сделать, она от меня ждёт миски воды, палки, команды. Просто умри, сгни заживо. Такое сможешь сделать, лучший друг человека?

Хлеб кончается, я остаюсь без дела, а собаки – нет. Слоняются по кругу, трясут своей шерстью, хозяева переговариваются между собой, бабка рядом слащаво говорит: «Какой чудесный щенок. Чем вы его кормите?», а девке не хочется говорить, но из уважения давит улыбку, как я хлебаю пиво вместе с Хмурым. Картина один в один.

Я хочу дожидаться, когда потемнеет, и только тогда пойти домой, но понимаю, не потемнеет. Сейчас же лето. Белые ночи. Прекрасные белые ночи для того, чтобы утки постоянно плавали в пруду и никуда не улетали, потому что светло, можно подольше чилить в воде, выпрашивать хавку, а я уходить всё равно не хочу, несмотря на блохастое шествие мохнатых монстров.

Склоняю голову, смотрю на уток, на торчащие зелёные кувшинки икраем глаза замечаю чёрно-коричневую овчарку.

Овчарок больше всего ненавижу. Эта на поводке, но без намордника. Люди говорят, что в первую очередь намордник и поводок нужны для того, чтобы уберечь собаку, я хочу, чтобы в первую очередь эта хрень защищала меня. Чтобы на меня никакая псина бешеная не бросилась, подобно этой раздутой твари. Хозяин бредёт за ней. Проходит мимо и возвращается. Я это понимаю только из-за собаки. Та же овчарка, тот же поводок.

Парень в белой футболке встаёт передо мной и начинает махать руками. Я даже успеваю подумать, что за представление, а потом вспоминаю всех тех продавцов сувениров в поездах, что мы видели с Высоцким, когда переезжали с места на место, всех тех глухонемых, что я видел в метро, и вот этот чувак был таким же – глухонемым. А я был похож на человека, который знает язык жестов?

Мотаю головой из стороны в стороны. Не понимаю я тебя, и он это улавливает. Достает телефон. Печатает. Быстро. Пара движений и показывает мне экран.

«Привет.

Я – Глеб.

Познакомимся?»

Я смотрю на смиренно стоящую рядом овчарку. Ждёт. Не показывает язык, не открывает пасть. И что мне сказать её хозяину? У тебя псина, и мне это не нравится? Я не общаюсь с глухонемыми? Зачем мне вообще знакомиться с парнем?

Я оттягиваю угол рта и снова мотаю головой. К чему вообще это? Даже не смотрю на него. Он блокирует телефон и убирает его. В задний карман джинсов. Кивает пару раз и машет рукой. Вот и славно, никаких вопросов, никакого, почему ты? Потому что. Кому это надо? Мне не надо. Мне хватает. Хватает всего, что есть. Честно. По горло. С головой. Тем более у него псина, и сам он псиной наверняка провонял, а я это ненавижу больше всего. Это и гонит прочь с пруда.

Возвращаюсь к своему многоглазому, скрюченному рогалику-дому. В лифте поднимаюсь на двенадцатый этаж. На кухне бабка смотрит телек и опять что-то про политику, Вика и тётка

Райя в комнате, я мою руки и закрываюсь у себя. Шкаф, стеллаж, собранный диван, стол и стул у окна, открытый чемодан и два баула на полу.

Я поправляю одеяло внутри чемодана, который купил на рынке у китайцев за три с половиной тысячи. Большой. 45x70x25. Такой в ручную кладь не возьмут, только в багаж. В такой вещей на килограммов двадцать-тридцать поместиться, а на деле помещаются все шестьдесят. Подушку забираю с дивана и кладу рядом, а сам ложусь в чемодан и накрываю себя половиной одеяла, прижимая ноги к груди.

Рёбра от ручки врезаются в бок, но я привык. С самого детства врезаются, просто их нужно затыкать полотенцами. Завтра заткну снова и будет немножко поудобнее. Но мне и так удобно. Так комфортно и хорошо, особенно с подушкой под головой. Вчера почему-то не подумал положить, всю шею отлежал, а теперь нормально.

За дверью шаркает тапочками баб Нина, встала около моей двери, замерла. Стучит, но я уже сплю, меня нет. Я закрылся, я спрятался. Меня Высоцкий спрятал, тот самый Вова, который большой дурак и ничего путного, баб Нина, не сделал, но он сделал, просто ты этого не знаешь. Своего сына ты не знаешь и никогда больше не узнаешь, а я знаю, какой он. Какой он сильный, крепкий, крутой, как он улыбается и смело смотрит в лицо опасностям, потому что знает, опасность надо разобрать на составляющие, и тогда её можно будет преодолеть. Маленькому Ране этому нужно было научиться, большой Рана этому так и не научился.

Бабка снова стучит, а я утыкаюсь носом в подушку и хватаю рукой крышку за спиной и накидываю на себя. Плотно она не прилегает, из-за моих плеч, поэтому я разворачиваюсь, даю ей опуститься, а меня – погрузить во тьму, подальше от стуков, солнечного света белых ночей, Хмурого и дела, которое надо выполнить, потому что только мои навыки могут помочь.

Он брешет. И бабка брешет. И глухонемой парень тоже зачем-то брешет. Познакомиться со мной?

Дрожащая рука тянется к замку.

Я бы и сам не пожелал с собой знакомиться, только если вот так. Когда я в чемодане.

2. Язык жестов

Утро встречает запыленным воздухом внутри чемодана. Я откидываю крышку и выпускаю лёгкую прохладу, которая быстро сменяется летней удушливостью из-за открытого окна. Ни в комнате, ни в квартире нет ни вентилятора, ни кондиционера. Единственное спасение – минимум одежды, который я себе позволить не могу.

Переодеваюсь в домашнее, а уличное собираю в клубок и сую в пакет для стирки. Ещё нет восьми, но баб Нина уже на кухне. Шумят и телек, и сковорода. Я уверен, встала она где-нибудь в пять и прошлась по всей квартире, пока мы спали, поменяла розовый халат с фиалками для уборки на голубой для готовки и пригвоздила себя к любимой плите.

Ванная занята.

– Вика, – стучу я, – там место будет? Или тебе принципиально?

Она что-то мычит в ответ и дёргает ручку, которая не поддаётся. Сначала нажать, а потом прокрутить, но с утра она об этом забывает. Открывает мне дверь с зубной щёткой во рту и ползущей по подбородку пеной. Я ей киваю, протискиваюсь и принимаюсь за то же, усаживаясь на бортик ванны. Она садится рядом после того, как закрывает дверь. Стоит запах жареных блинов и плесени. На ночь опять кто-то закрыл дверь, а вентиляция тут не ахти. Но ничего, баб Нина возьмёт стул и с утра весь потолок протрёт антиплетенью, и будет он снова чистый и белый.

Вика легонько толкает коленкой и достаёт телефон. Показывает мне скриншот персонажа из «Геншина». Мальчик, вроде как, с кроличьими ушами и зелёной прядью. Выбила⁹, видно.

⁹ Выбить – игровой сленг, то же самое, что «получить».

Я показываю ей большой палец, а она довольно задирает подбородок. Паста течёт по шее, и я щёлкаю её по носу. Она привередничает и идёт отмываться, что-то говоря: «Рана-Рана».

– Милашка же? – говорит, прополоскав рот.

– Но это не девушка? – передвигу я.

– Я могу показать тебе девушек, которые у меня есть.

– Ну как-нибудь, когда мы останемся наедине, без этих. – Киваю на дверь, подразумевая бабу и тётку, и Вика со мной соглашается.

Наш стол уже заставлен открытой сгущёнкой, вареньем, готовыми блинами, баб Нина же занималась фаршированием других. От вчерашних пирожков осталась пара экземпляров. Она и тётка Райя съели. Вот оттуда вес и берётся, поэтому они будут Зефирными Людями и никакая активная деятельность от этого количества жира их не спасёт.

Жар волной обволакивает со стороны плиты, с окна ещё поддувает лёгкая завеса утренней прохлады. Но это ненадолго.

– Утро, – говорю я и усаживаюсь за своё место у стены и между вторым столом с рассадой.

На самом-то деле мне без разницы, кто насколько жирен, но образ жизни, который мне привил Высоцкий, говорит, ты здоров, пока здорово твоё тело, а ожирение – это не здорово. А ещё худое тело явно лучше и подвижнее, и им проще пользоваться, нельзя такой массой, как у бабки, её только прятать можно в безмерные халаты, забрызганные маслом от сковороды. А меня зато в чемоданы можно.

– Шура! – охает она, будто и не ожидала увидеть. – Ты вчера – вчера-то где был? Звонила тебе, а ты трубку не брал!

Стоит ли ей напоминать, что я никогда трубку не беру?

– Гулять пошёл. В центре был, по Невскому гулял, неслышно было. Извини, – очередью говорю я и цепляю один блин для Вики, а второй для себя.

– Ты хоть предупреждай, а то тебя искать потом как? Не хочется, чтобы из полиции позвонили!

А должны? Мне же двадцать семь, а не семнадцать. Со мной и будут разбираться, а не с теми, у кого я сейчас по прописке живу. Позвоню только я, чтобы сказать, мне нужен адвокат, а какой адвокат? Рецидивист он, четвёртый приговор, какой ему адвокат? Всё на лице написано, повёлся он на план Хмурого и попал в беду, потому что не рассчитал все риски и выгоды.

– Всё же в порядке. – Макаю блин в сгущёнку и быстро сую в рот. Такие же жирные, как пирожки, но заметно приятнее, и тем не менее на лоскуты порвать хочется. Одна полоска, вторая, третья, и каждая погружается в рот, тянется, как липучка, как вывалившийся язык.

– Шура, не в порядке! За тобой глаз да глаз нужен!

– Ты поэтому ночью приходила? Я спал уже просто, слышал что-то, но думал, что это был сон.

– Не приходила я. – Ну а ей зачем врать. – Показалось тебе. Кроссовки твои видела, понятно, что пришёл, зачем – зачем мне к тебе идти?

Не она была? Я гляжу на Вику, и та быстро понимает. Мотает головой, заглатывая второй блин с черничным вареньем. Конечно, не она. Я бабкины шаги ни с чьими не спутаю, за год уже научился различать. За пару дней даже. Вику не слышно и не видно, она тихая девочка, приспособилась такой быть с громкой визжащей бабкой. Баб Нина же вечно шаркает и показывает своё присутствие, потому что надо обозначить – она здесь, я здесь, все меня слышат? Все меня видят? Все знают, что этот порядок обеспечен не чьей-либо рукой, а конкретно моей? Молодцы, и шаги мои запомните. Тётка Райя скользит, как змея. Шелестит полами длинного халата, который облепляет её широкую фигуру и собирает мусор по полу. В прошлом, когда лишний вес ей был несвойственен, этими же шагами она скользила по бальному залу, как мне рассказывала Вика, видевшая старые фотографии, которые сама тётка спрятала подальше, когда обнаружила, что дочь их отыскала.

– Значит, показалось, – отвечаю я и с аппетитом продолжаю есть, постепенно прилипая спиной к стене через чёрную кофту. По лбу течёт от пара с плиты.

– Вот именно, показалось. Делать мне нечего?

Конечно, нечего, только посмотри сама, чем занята постоянно, готовкой и уборкой, а об остальном подумать страшно. Никаких других мыслей. Ещё магазин. Всё. Может быть, поликлиника. Теперь всё. И куда здесь можно вставить хоть что-то другое? Куда угодно, если она не будет утопать в своих меняющих цвет халатах.

– Блины вкусные, – замечает между делом Вика, чтобы переключить её внимание, и смотрит черепашины на меня – с поддержкой, как в «Шевели лапами»¹⁰, – спасибо.

– Кушайте-кушайте! Я ещё готовлю!

А чтобы ещё она делала, правда?

Сложенные конверты один за другим идут в рот, я вытираю руки о салфетки, глотаю ещё несколько блинов с рисом и фаршем. Перед тем как уйду, Вика тянет за рукав:

– А можно к тебе?

– Если меня Ленка отошьёт, пойдём погуляем.

Её это предложение устраивает, и я уйду к себе. Достāju размутженный телефон и пишу Ленке. Предлагаю встретиться. И без меня прекрасно понимает зачем, поэтому лишь пишет, что сначала она досмотрит сериал, а с меня бутылка винища, на моё усмотрение, но не дешевле трёхсот рублей, Рана, хорошо, не хочу завтра на смене суточной блевать из-за палёного пойла. Вике сообщаю, что сегодня погулять не получится. Она вздыхает и грустно опускает острые плечики, а я тормошу её, приглаживаю длинные волосы.

– Потом заплету тебе косички.

– Ты не умеешь, Рана, – шепчет она, чтобы бабка не услышала, – лучше я поговорю про «Геншин», а ты послушаешь.

– А я послушаю. Пока.

– Пока...

В этот раз надеваю майку, кофту и штаны, спасительная кепка при мне и запасаясь терпением, чтобы добраться до метро, пересечь весь город, и ещё до Ленки от метро. Повезло нам жить на разных концах одной ветки. Хоть переходить не надо. Но если бы метро было рядом со мной, я был бы и не против. Вино решил купить около неё, не тратить время здесь. Длинная дорога, проклятые собаки и поводки, растянутые через всю улицу. Через такие либо перепрыгивай, либо как под палкой снизу проходи. Включите музыку и будет лимбо! Только мне невесело и танцевать не хочется. Хочется взять нож или ножницы, перерезать верёвку и сказать собаке «фас» и пусть несётся, куда глаза её мелкие глядят, к голубям, дворовым кошкам, белкам, на дорогу под машину, а та с визгом передавит мелкое тело, за которым хозяину нужно было бы тщательнее следить. Ты же хозяин, ты и следи.

Воротит меня от них всех. От них всех. Слава богу, у Ленки никого нет. Ни собак, ни кошек, ни попугаев. Но завела бы, если бы арендодатель не был против. Это мы проходили. Полтора часа добираться до неё, ещё десять минут выбираю пойло, чуть меньше сыр – беру какой-то копчённый, но только потому, что косички нет, пробиваю на кассе и спешу к ней. У неё есть кондиционер, и это замечательно.

Встречает меня с всклокоченными волосами и в японском халате поверх фиолетового пеньюара. Я отдаю ей покупки.

– И даже не обнимешь? – смеётся она. – Целовать не прошу.

– Ну раз не просишь, так зачем?

– Блин, Рана, романтика в тебе убита.

– И замечательно.

¹⁰ Шевели лапами – мультфильм, главными героями которого являются черепахи.

Вот в Высоцком романтика была. На гитаре умел играть и играл, но не девушкам своим, со своими девушками он только сексом занимался, я знаю, он для меня на гитаре играл, чтобы успокоить, порадовать, чтобы порадовать себя, показать, что не только хитростью он народ брать может, что улыбки у него настоящие, что руки золотые не только в том, чтобы в машине копать и в дверных замках, вот ещё хорошо и струны перебирают. Я пытался, но не получался. Больно было, мозоли быстро появлялись и долго не заживали. Отец говорил, что у меня чувствительная кожа и мне нужно немного дольше дать себе времени. Времени давать я себе не хотел и попросту сдавался, а он мне играл на гитаре, которую я уже просто не хотел брать в руки, знал, будет больно и неприятно, мозоль лопнет, польётся прозрачная жидкость, кожа сорвётся, а за ней пойдёт кровь, и весь гриф гитары будет в моей мальчишеской крови, а Высоцкому её придётся оттирать, потому что я буду скрывать свои слёзы. Негоже ведь мальчикам плакать. Нельзя. Не надо. Так поймут, что больно, и захотят сделать больнее, Рана, потерпи немного и пройдёт, а сейчас замажем зелёнкой.

– Фига, – удивляется она, когда достает бутылку из пакета, – это даже не триста рублей.

– Четыреста с копейками, – улыбаюсь я и стаскиваю кроссовки, кепку вешаю на крючок.

– Голова болеть зато не будет.

– Ты даже сыр купил. А у меня пицца осталась, будешь?

– Ну давай.

Мы проходим к ней в комнату, так и заваливаемся на кровать. На тумбочке у неё уже стоят бокалы и презервативы, лежит штопор – сама этим занимается. На одеяле две коробки с пиццами и ноутбук с включённым сериалом, рассказывать о котором она мне не будет, а я не спрошу ничего. Мне не надо, ей не надо. Я прихожу сюда не за тем, и она это знает. Она может говорить, но я не запомню. Я хорошо слушаю. То есть делаю вид, что слушаю, но иногда людям достаточно и этого.

Ленка откупоривает бутылку, разливает розовое вино и протягивает мне бокал, который я отставляю с другой стороны. Подставляю себе под спину подушку, беру кусок Маргариты и прикрываю глаза. В комнате свежо, пахнет порошком и ничего не давит. Нет никакой баб Нины, тётки Райи за стеной. Привести бы сюда Вику, ей бы было хорошо.

Ленка открывает сыр, нажимает на «плей» и делает мурчащий глоток. Хороший знак, значит, и секс будет отличный. Приласкай её, сделай хорошо, позаботься, и она позаботится о тебе. Большую часть времени я сижу, смотрю мимо экрана, жую холодную пиццу и потягиваю тёплое вино, а Ленка включена так сильно, что охает, трогает меня за плечо, тормозит из стороны в сторону и говорит: «Ну ты видел, видел же, да?», и плачет, когда главные герои – если они главные герои, целуются, потому что это означает конец всему. Что-то ломается, кого-то убивают, всё расходится. Священный таймлайн – это всё, что я оттуда подчёрпнул. И мультивселенные. Да, тема мультивселенных в последнее время очень ярко заявляет о себе, о них говорят все кому не лень.

– Нужен второй сезон... – высмаркивается Ленка и заодно делает последний глоток.

– Сделают, наверное.

– Сделают. Не сделают, сама сделаю. – Уж она-то точно. – Ща, я приберусь...

Её немного развезло, но она стоит ровно, пусть и покачиваясь на ногах. Быстро перекидывает кусочки пиццы в одну коробку, сыр туда же, относит коробки на кухню, о помощи не просит. Я заглатываю остатки вина и вздыхаю. Она возвращается, по пути кидает свой японский халат с золотыми облаками и забирается коленями на кровать. Цепляется за мою шею и целует в губы. Я тяну её на себя, обнимаю, забираюсь в спутавшиеся волосы и закрываю глаза.

Так это обычно и бывает, после вина, пиццы, какого-то неважного для меня сериала и совсем неважных для нас разговоров, которые никак не свяжут, не сделают нас ближе. Нам и не надо быть ближе, мы этого не хотим, нам не это нужно друг от друга. Уже поняли, уже

разобрались. Строить отношения – это не для меня и не для Ленки. Как оказалось. Секс – это вполне удобно. По договорённости, по желанию, по согласию обеих сторон.

Это то, что было нужно, и пусть её тело совсем немягкое, тощее, как деревяшка, как старая советская игрушка, топорная, сделанная на века, в моих руках она нежная и млеющая, тающая под напором, толчками, жаром тела, которое не скинет с себя ни одной тряпки: ни кофты, ни майки, ни штанов. Носки максимум. Но Ленку это не волнует. С неё я тоже ничего не снимаю, если она сама того не захочет, только вздёрну фиолетовый пеньюар, вцеплюсь в её плоские ягодички и буду мять, прижимать к себе, пока она не скажет, что мне сделать, пока сама не скажет. Я дальше не зайду. Я хочу, но пока она не скажет, не получится.

– Рана, – шепчет на ухо она, царапая сухими губами, – давай, – подаётся вперёд, просит, умоляет, стонет ещё раз, и я сдаюсь.

Согласие в этом мире – всё, кроме тех моментов, когда ты пойман с поличным. Поэтому нельзя быть пойманным. Надо быть аккуратным, осторожным. С девушками особенно. С Ленкой особенно. Она хорошая, слишком хорошая, не для меня, но она меня принимает, называет по фамилии, хотя наверняка считает, как баб Нина, что всё это придурь, Рана, тебе двадцать семь, какие клички в твоём возрасте? И с Хмурым возиться, и с Бобом, и с Марли, детские всё это игры, а вот здесь у нас взрослые дела, но она всё равно зовёт меня так, всё равно обнимает, прижимает к себе руками и ногами, хватается за ткань кофты и привлекает к себе так резко и смело, что нам в самую пору поменяться местами. Нужно брать себя в руки, а то совсем некрасиво. Вино купил, сыр купил, и всё? Нет, Рана, так не пойдёт. Целую её, люблюсь ей и с согласия оставляю полностью голой, позволяя своим вороватым рукам обладать ею полностью. Позволяя себе лишь на этот краткий промежуток времени сказать: «Она моя и только моя», здесь и сейчас, принадлежит мне, я ей обладаю, как и она мной, полностью, от каждой клеточки крови до каждого кончика волос, до каждой капли слюны и предэякулята. Всё здесь, мы друг в друге, рядом, плотно, тесно, хватаемся, не отпускаем, терзаем друг друга и упиваемся так жадно и резко, будто больше никогда не увидимся, не встретимся, хотя знаем, всё будет снова, когда наши выходные совпадут. Или я просто после своей ночной смены попрошусь к ней после её суточной, и нас хватит хотя бы на один раз вместо двух. Это будет такой же быстрый, остервенелый, оголтелый раз, как и всегда. Последний, потому что нас может разорвать на кусочки непредвиденность нашего бытия. У Ленки – её работа, у меня – любая маленькая кража. Всё может случиться в любой момент, я и не отрицаю, поэтому важно быть вместе прямо сейчас и насытиться друг другом, пока мы можем. Пока мы здесь в переплетённых объятиях.

Она трогает мой висок. Гладит по щеке, касается губ.

– Тебе нежарко? – спрашивает она.

– Жарко. Летом постоянно жарко.

– Тогда разденься.

Что же ещё сделать.

– Не хочу, – наваливаюсь на неё и прижимаюсь во всей силы, вдыхая запах свежего постельного белья, которое она выгладила накануне.

– Рана, раздавишь... – тяжело выдыхает она, шутя и хлопая меня по плечу.

– Да я полежу, раздавлю тебя и скроюсь с места преступления.

– Ужас, какой план. Ещё и пиццу до конца сожрёшь, я уверена.

– Сожру, ещё как.

– Ужас, какие мужики пошли в наше время, – не удерживается и смеётся.

– Ну да, уроды сплошные. – Перекатываюсь на свободную половину, а Ленка ловит за руку и кладёт ладонь на мой лоб.

– Но ты хороший, винчик за четыреста рублей покупаешь. – Гладит меня и смотрит жалостливо. – Можешь в душ сходить, охладиться, если раздеваться не хочешь...

Привыкла ведь, что я никогда не раздеваюсь, и знает, что я так делать не буду, поэтому и предлагает. Несмотря на то что между нами нет никаких обязательств, мы ничего друг другу не должны, даже комплиментов и шуток, она всё равно беспокоиться и не просто делает вид, а на самом деле переживает. Может, потому что врач, поэтому так заведено у неё.

– Да, схожу. Спасибо. Только полежу немного.

– Тогда я кондей убавлю, а то ещё простудишься. – Сама она замоталась в одеяло, спрятала своё деревянное, геометричное тело, а меня отправляет мыться.

Было бы романтично, если бы я позвал её собой. Но я не романтик, и романтики между нами нет, я её не обещал. Сразу сказал, чего от меня можно ожидать, а о чём лучше со мной забыть, и Ленку это почему-то устроило. Просто взяло и устроило. Она искала того же. Приняла это со скупой улыбкой, которая после расцвела в постели, показала, что Ленка полностью довольна своим решением, что не прогадала. Я тоже не прогадал, выбрав её. Это и есть крепкий союз выверенных, чётких отношений.

Я сползаю с кровати, бреду в ванную. Убеждаюсь, что дверь на замке, и только тогда раздеваюсь, избегая зеркала, и не позволяю себе опустить голову и взглянуть на руки и ноги. Всё вижу, конечно, всё равно знаю, что и где есть, но так хоть меньше глаза дёргаются от воспоминаний, меньше болит и дерёт кожу, меньше горят конечности и норовят отгнить все разом, а крики звучат чуть-чуть тише. Я тру глаза и вылезаю из душа, приседаю на бортик ванны и замираю, вздыхаю, как утром, словно, когда я выйду, снова окажусь в своей квартире, где будет ждать баб Нина с вечно жирной едой и пропитавшийся жиром кухни. Но нет, я вытираюсь, одеваюсь, а за дверью меня ожидает только альпийская прохлада «Мифа», а на кровати раздетая Ленка, которая уже ищет новый сериал.

– Я не буду смотреть, – обещает она, – заранее для себя ищу, когда ты уйдёшь. Времени немного, а посмотреть много хочется.

– Да смотри, я же не против.

Залезаю с другой стороны на кровать и прижимаюсь к подушке.

– Представляешь, – вспоминаю, – ко мне вчера глухонемой подошёл.

– Да? И что он? Мелочь просил?

Подумала, что это было где-то у метро, после работы.

– Нет, познакомиться хотел.

– Да ну? – Ленка отрывается от компа. – А чё дальше?

– Ничего. Я сказал, что не хочу знакомиться.

– Да блин, Рана! А чё ему надо было? Не просто же так! Ну вот, ты сказал, а мне теперь интересно!

– Ну а мне как-то не особо было. Странно это, да, когда к тебе просто так подходит парень знакомиться?

– Ну а как люди ещё в этом мире знакомятся? Может, он у тебя на сумке значок увидел? – Знала же Ленка, что никаких сумок я не таскаю, и значков у меня нет. – Или ещё что, поговорить захотел... То есть... Он же глухонемой? То есть... Ой, как бы он говорил? – Она жмурит глаза и тыкает пальцем в висок.

– Он мне на телефоне напечатал.

– А-а, ну тогда нормально вообще, можно просто переписываться где-нибудь в «Вотсаппе» или «Телеге», хорошо когда так можно... Но слушай! – Она смотрит на меня, насупив брови. – Ты сказал, а мне интересно!

– Предлагаешь пойти и найти его, а потом спросить, зачем ты познакомиться со мной хотел, а то Ленке интересно?

– Можно и так, да, почему нет? Вполне себе вариант. – И он её полностью устраивает.

– Ну я подумаю, конечно. – Переворачиваюсь на бок и смотрю на неё.

– Вредный ты, Рана. – Но она улыбается. – А вдруг ты шанс упустил? Вдруг эта бы встреча всю твою жизнь изменила, представляешь? Так ведь бывает, один человек, а как жизнь, раз – и всё, уже не такая, какой была прежде.

Этому я могу лишь усмехнуться. Безобидно для Ленки. Баб Нине я бы так никогда не усмехнулся. Единственный человек, который изменил мою жизнь, – это Высоцкий, и никто больше на меня так не повлияет. Он один и таких больше не будет. Всё остальные – это лишь остальные, рядовые. А он всегда был рядом, со мной, всегда оберегал, защищал, всему научил, всё мне дал, а других людей я и знать не знал, и, если бы отец был жив, другие люди мне и не нужны были бы. Ни баб Нина, ни Вика, ни Ленка, ни уж Хмурый тем более. Мы были бы вдвоём, свободны, где-нибудь за чертой города, как раньше, жили бы в деревне, посёлке, в собственном доме, развели бы дело, ездили в город за покупками, знали бы с соседями, что-то бы одалживали, сами бы растили животину, урожай... И я был бы доволен такой жизнью, без энергетиков, пива, чипсов, без работы, денег, смартфона, доступных наличных в кошельках открытых сумок. С отцом всего бы было достаточно, но отца теперь нет, и я должен быть один, с другими, с теми, кто взял заботу обо мне, хотя по всем писанным правилам меня гнать в шею должны. Взрослый ты, Шура, сам уже должен себя обеспечивать, комнату снимать, если не квартиру, сам себе готовить, сам себе стирать, убирать, не чтобы за тобой бабка зад подтирала.

– Как-то ты загрузился... – роняет виновато Ленка, сводя нарисованные брови. – Ты извини, я ничего не имела в виду. Прикалывалась. Фигня. Иногда знакомства только хуже делают. Он ещё глухонемой. С ними может быть сложно.

Киваю для вида. Для вида, что услышал, что понял.

– А у тебя на вызовах были глухонемые?

– Попадались, конечно. Куда же без них. Едешь посреди ночи, вроде бы говорящий человек вызывал, а там тебе дверь открывает, ни бэ, ни мэ, и сам стоишь тоже, ни бэ, ни мэ, и оба как истуканы. Были вот как твой, сразу писали и всё понятно. Таких и на скорой забирали, в общем-то, телефон брали, блокнот и писали, какие жалобы, как чувствуют себя. Бедолаги, сложно, наверное, так вообще. В магазин пойдёт, лучше сразу на кассу самообслуживания. А если помощь понадобится? Если никого нет? Не крикнешь же. Стоишь, ждёшь, пока не появиться. Это я могу сказать: «Ну и где?!», а он же не скажет... Неправильно как-то...

– Что ничего для них не сделано?

– Ага. С этим вообще сложно. Что с пандусами этими, что с этими жёлтыми, знаешь, в метро есть, жёлтые эти линии пупырчатые или выпирающие? Такое вообще везде должно быть, а не только там. Ну, для инвалидов как-то всё не приспособлено. То коляска в лифт не помещается, то пандус под девяносто градусов, то звукового сигнала для слепых нет, то нет кнопки для глухонемых... Вроде бы мелочь, а почему бы не сделать? Есть же такие люди... Понимаю, что раньше ещё хуже было, но так мы же в другом мире живём! Можно и лучше сделать, почему бы не сделать? Для своих же граждан стараемся. В общем... Грустно мне как-то от этого. Ещё и от вина развезло. Извини, Ран. – Ленка трёт под глазами и переворачивается, шарит в тумбочке рукой.

– Я могу уйти, – говорю первое, что приходит на ум.

– Да лежи, а я... Тоже пойду всполоснусь.

Она встаёт, берёт халат с пола и накидывает на тело. Исчезает в коридоре, а я закрываю глаза.

«Рана, если тебе что-то надо, возьми. Найди и возьми. Попроси, купи, на крайний случай укради, но я верю, что ты сможешь получить это и так, без воровства, ты можешь, я знаю. Ты сильный малый. Такой же сильный, как и я. Ты же мой сын, а не чей-то ещё, верно? Чьи у тебя глаза? Мои. И лицо, как у меня. И взгляд серьёзный не по годам. Один в один. Никто не скажет, что ты чей-то ещё, верно? Ты мой».

Слова вспыхивают так отчётливо, будто отец сидит рядом и говорит их. Гладит вместо Ленки по голове и повторяет, повторяет свои заветы, которым я не могу не следовать, ведь в чём он не прав? Прав во всём. Он не может ошибаться. Отцы не ошибаются, они правы во всём. Всеми, чему могут научить, чему могут наставить. Это я – плохой сын, который не научился как следует, который не сумел убежать, который остался до конца, который упал на колени перед тем, кого должен был опасаться. Сам виноват. Тогда-то всё и пошло под откос. Именно тогда. Я это знаю. Тогда я и стал неудачником, тогда я и предал отца.

– Перерождение наступает после душа, не иначе! Не просто так мы все из воды пришли!
– Ленка светила голой грудью и накинута на влажное тело чёрным хлопковым халатом.

– А стыд тебе неизвестен?

– А что ты тут не видел, мой дорогой? – хихикает она и запрыгивает на кровать, снова обнимая меня. – Не хочешь, да? – тут же отпускает. – Извини, иногда хочу тебя потискать. Романтики добавить. Это слишком, да?

– Нормально, – выдыхаю я, – можешь обнять, если хочешь.

Совру, если скажу, что мне не нравится обнимать Ленку. Есть ведь какой-то психологический профит от этого действия, верно? О нём говорят, мол, полезно, важно.

– Тогда на пару минут, и я тебя больше не задерживаю.

Она прижимается ко мне своим тёплым, нескладным телом, и я тоже обнимаю её за спину, прижимаю к себе, касаюсь губами влажной макушки. Она как Пряничный человечек из «Шрека», вроде бы и живая, сладкая, но почти неподвижная, и сломать легко, стоит сделать неверное движение: ногу, руку, голову. Деревья крепкие, а Ленка нет, как только в скорой работает, этого я не понимаю, но как-то держится. Уже несколько лет подряд, на всех этих суточных выездах, когда бригада не успела на минуту-две и вот уже на пороге квартиры их встречает огорчённый взгляд и два произнесённых слова: «Летальный исход».

Она трётся об меня, зарывается в кофту носом, вдыхает запах своего геля для душа с манго и улыбается. Знаю, что улыбается. Это нетрудно почувствовать, нетрудно узнать и угадать.

– Всё, – говорит в грудь она, – отпускаю тебя. – Но не отпускает.

– Ты противоречишь своим словам.

– Как любая уважающая себя девушка, да.

И как любой уважающий себя человек, через несколько секунд она отрывается от меня и позволяет подняться. Ещё предлагает чай напоследок, остатки пиццы, капли вина, сыра, только бы я задержался на чуть-чуть, а я и сам не знаю, чего хочу. Хочу, чтобы завтра не наступало. Только домой хочу вернуться, положить полотенца на дно и в чемодан, укрыться одеялом и крепко-крепко спать, как спал рядом с Высоцким, который оберегал меня от всех проблем и бабок на свете.

Я киваю Ленке и встаю с кровати. Полтора часа обратно. На пруд не заглядываю. Обхожу всех псин стороной. Когда одна из них лает на пробежавшего мимо чёрного кота, её хочется пнуть, чтобы заткнулась и не визжала. Так же иногда хочется пнуть баб Нину. Несерьёзно. Или серьёзно. Я не разбираюсь. Собак же я не пинаю, потому что знаю, так неприято. Так, Рана, не делается, у псин этих есть хозяева, они сами тебя избьют, ты готов к этому? Выстоишь? Или сам скулить будешь, как сука, моля о пощаде за то, что сделал? Думай, прежде чем делать. Мысли впереди действий, не наоборот. Да, не наоборот.

В этот раз бабку не беспокоит, где я был, с кем. Возможно, Вика сказала, что я ушёл к девушке. Про Ленку Вика только это знает. Что она якобы моя девушка. Не мог же я ей другого сказать, верно? А обманывать её я бы не стал. Кого угодно, но только не Вику. На ужин ожидал плов с крупными кусками мяса, а на десерт всё те же блинчики с самодельным вареньем и покупной сгущёнкой.

В комнате затыкаю проём между ручками полотенцем, снова перекладываю одеяло, взбиваю подушку. В этот раз переодеваюсь сразу, не ложусь в уличном, а ещё не забываю полностью умыться. Пересекаюсь с Викой, которой желаю удачной крутки¹¹, а сам думаю, как хорошо сегодня будет спать, все условия для этого созданы, ведь с завтра начинаются рабочие дни.

Утром перекидываю одеяло и подушку на диван, а баулы заталкиваю в чемодан, который отставляю к стене. Баб Нина уже встала, приготовила завтрак и ждала с телеком меня. Ничего не говорила, думала, куда себя пристроить, а я ел, тихо, незаметно, чтобы ничего и не говорила дальше.

– Шура, – всё равно говорит.

– М? – пихаю в себя хлеб, делаю вид, что очень занят завтраком, и заполняю рот горячим чаем, обжигая глотку.

– Ты в комнате – в комнате своей убрался?

– Ага, – или сделал что-то наподобие.

Главное, чтобы одеяло и подушка были не на полу, и чемодан показательно не разевал пасть, будто я собираюсь в него сложить свои пожитки и смотреть на другой конец России, где ко времени Москвы добавляются семь часов.

Уверен, когда я уйду, она всё равно зайдёт в мою комнату и посмотрит, что там, как стоит, где лежит и пороется в вещах. Главное, ценное забрать, деньги, телефон, чтобы её жирные пальцы не добрались. От неё и так запах плиты остаётся, что даже усилий прикладывать не надо, чтобы догадаться, все её халаты этим пропитались. Маслянистый Зефирный Человек.

Смотрит на меня сморщенными глазами-изюминками, что в ответ я не могу не посмотреть. Ждёт чего-то. Чего ещё? Что я там пропылесосил? Знает же, что меня не было, когда я бы сделал это. Я выполнил необходимый минимум, остальное – потом. Будет, но потом, не сейчас. Чего прицепилась? Взгляд отведи, если ничего говорить не будешь, бабка старая, ты...

– Шура...

– Что? – не выдерживаю я.

Она треплет свои волосы, зарывается в седые пряди отросшими ногтями с треснутым белым лаком, дышит глубоко и прерывисто, будто сейчас приступ хватит. Если хватит, первым делом я Ленке позвоню, она-то точно знает, что делать. Подскажет. Таких ситуаций у неё миллион было. Эта будет лишь одна из многих. Но бабка ни раздражается: ни приступом, ни словами, только дышит непрерывно и надрывно, копошится своими зефирными пальцами в волосах, разматывает гульку и начинает собирать её снова, наматывая по кругу.

– Что такое, баб Нина? – повторяю я. – Мне скоро уходить. Я бы пошёл собраться.

– Если надо – если надо, Шура, иди, собирайся. Я тебе всё погладила, и рубашку, и штаны. Иди, собирайся. Потом поговорим, много – много времени у нас. Конечно много, ты же никуда не денешься. Куда тебе? Кто тебя?.. Да никто...

Я сжимаю вилку, вместо того чтобы засадить её в стол или кинуть в тучную зелёную, подёргивающуюся фигуру. Такое здесь обо мне мнение: никому ты, Шура, в этом мире не нужен, никому, кроме нас, поэтому оставайся, у нас тепло, хорошо, сытно, жирно, всё есть, ты только деньги приноси, остального не надо, делать ничего не надо, ни готовить, ни убирать, всё сами, а ты деньги приноси и сиди спокойно, накормим, оденем тебя, приголубим, кто тебя примет ещё с тремя приговорами? Кто тебя полюбит? Кто тебя жалеть будет? Вот был бы жив Высоцкий, это был бы он. И относился он ко мне, как к человеку, и пофиг, что надо было бы самому за собой следить: готовить, мыть посуду, санузел, полы, полки, комнату надраивать,

¹¹ Крутка – игровой сленг, попытка получить персонажа в игре, образовано от аналогии с принципом крутящейся рулетки в казино.

но я бы был с ним, а он был со мной. Но не сложилось. Не получилось. Вова, какой же ты большой дурак, сына оставил...

– Тогда я пойду. Спасибо за завтрак.

Тарелку в раковину, а себя в комнату, по пути забирая с сушилки вешалку с моими вещами. Никуда мне собираться не надо. Не так рано. Рано меня приучил вставать отец. Кто рано встаёт, тому Бог... Оно и понятно, чем раньше встанешь, тем длиннее день, только я не понял, зачем мне этот длинный день, если в нём ничего нет. А если нет, то он тянется бесконечно долго, но привычка есть привычка, и я дорожу ей, как воспоминанием о Высоцком. Одно из тех, что я ношу с собой, в себе, рядом с сердцем. Нет. В самом сердце.

Смотрю в угол, на чёрный с приоткрытой крышкой чемодан. Зовёт меня, говорит, пошли Рана, полежим, совсем немного перед выходом, надо сил набраться, спрятаться от мира, чтобы потом дать ему отпор. Он ведь такой этот мир, правда? Не любит ни тебя, ни кого бы то ни было ещё, никого не любит, никого не принимает. Все чужие, нет своих, и ты один, и Вика – бедняга, черепашка одна, и Ленка тоже, постоянно только сериалы смотрит да винище своё пьёт, только бы забыться, оградиться от всего того, что преследует на работе выездной. У бабки, наверное, тоже что-то такое есть и у тётки, не зря же она в комнате прячется и телек смотрит. Её телек, в отличие от телека баб Нины, лишь незаметно бурчит. Я не слышу его даже ночью, а бабкин слышу, когда открываю дверь своей комнаты, хотя моя комната и кухня в разных концах квартиры.

Вещи с паспортом в сумку, кофту и штаны на себя, кепку на голову, тело за порог без слов прощания. В «Пятёрке» покупаю пару дешёвых энергетиков, которые держат только за счёт переизбытка сахара, а не как обещает производитель, за счёт витамина С, который он услужливо вбросил. Таурин и сахар – вот что должно нас держать. До метро, а оттуда в центр. В раздевалке толчусь с хостес и барменами.

– Привет, Саш. – И не сразу ведь соображаю, что это мне.

Кто угодно, Рана, Шура, но не Саша и Александр.

– Привет.

Сумку кидаю в шкафчик, с вещами иду в туалет, там и переодеваюсь. Единственное, что мне нравится в работе официанта, – это рубашка с длинными рукавами. Я люблю длинные рукава и штаны, потому что они скрывают руки и ноги, потому что так я в безопасности, почти так же, как в чемодане, который теперь стоит на своих колёсиках в углу комнаты и ждёт меня до вечера, когда я к нему вернусь, уложу на бок, достану из него баулы, накрою одеялом и сам стану его содержимым, как море вещей, которые могут в нём поместиться. 45x70x25 всё-таки.

Меня определяют работать в зал, а не на веранду, чему я несказанно рад. Кондиционер есть и здесь. Ещё один жаркий, назойливый день я бы не выдержал, пусть и под навесом. Двенадцатичасовая смена начинается со лживой улыбки, почти как у Хмурого, до которой я не дотягиваю, но за которую мне иногда перепадает несколько соток чая. А раз перепадает, то уже и не так плохо. Мои личные деньги, которые пойдут на энергетики. Больше не на что тратить, остальное бабка тратит и сговаривает дома на сковороде.

Повтор заученных блюд, разъяснение состава, который написан в меню, название граммовки, которая стоит там же, известный ответ на вопрос: «А у вас есть вай-фай?» Хотел бы я, чтобы его не было, чтобы сказал «нет», и не объяснял, что нужно регистрироваться по номеру телефону, ведь не каждому человеку это дано понять. Я думал, что дано, но нет, как бы ужасно это ни казалось.

День тянется удручающе долго. Ноги завывают, когда я без дела стою на месте, людей почти нет, меня отпускают пораньше. Меньше часов к оплате.

Я еду на свой район и по привычке заруливаю к пруду, на котором пасутся коричневые утки. Как обычно, без самцов, своей девичьей компанией. А вокруг ещё носятся трусцой псины. Я высматриваю одну, но нигде не вижу чёрно-коричневого окраса. И почему я её ищу?

Зачем? Или я выискиваю белую футболку? Глухонемого парня, с которым бы моя жизнь могла измениться? Нет, жизнь так просто, от появления одного человека не меняется. Если бы так случилось, все бы искали себе «того самого», «ту самую» и находили бы, потому что искали бы очень плотно. Так, как никогда бы не сидели за учебниками в школе, как никогда бы не штудировали материал перед парами, как никогда бы не приbedнялись перед родителями за лишнюю тыщу в собственном кармане. Это был бы тот ещё стимул для движения вперёд.

«Жизнь вся изменится» – разве не об этом мечтают люди? Чтобы раз, по щелчку пальцев, чтобы открыл глаза в новом дне и уже по-другому, уже не так. Вылез из чемодана – а рядом Высоцкий, как раньше, завтрак сготовил, сказал: «Ну что, Рана, проснулся? Долго ты спал, я испугался! Но крепкий сон – здоровый сон, верно? Верно. Вот и ты у меня здоровый малый», и трепал бы по волосам, а я улыбался ему, без одного переднего зуба, который выпал вечером сам собой, когда я расталкивал его языком из стороны в сторону чисто из любопытства. Фея бы мне денюжку не принесла, но мы бы с отцом сами заработали. Он бы сказал, что на дело пойдём, и для меня это было бы лучшей наградой. Беззубая улыбка стала бы шире, настолько шире, что, представляю себе её сейчас, и у меня челюсть болит и скулы сводит. Так взрослые не улыбаются. Так большой Рана уже давно не улыбался, только почтительно, приподнимая уголки губ, чтобы Хмурый подумал, что они заодно, что они вместе, чтобы Вика не подумала, что ему нет дела до «Геншин импакт» – дела-то нет, а вот до Вики есть, чтобы Ленка не оттолкнула из-за чересчур холодного отношения. Да, отношения у них далеко не романтические, но одну улыбку с винищем подарить можно, правда, Рана? Правда. Но самые честные и искренние улыбки получал только Высоцкий.

Я бреду по брусчатке. Огибаю шерстливых тварей, одна подаёт голос, и я весь стекленею, и тут же разбиваюсь, разрезая себя изнутри. Кровоточа и захлёбываясь. Сжимаю ключи в кармане, перебираю те, что поменьше, держа их крепко, только бы не занести и не вонзить в рыжую голову. Слишком много инструментов, слишком много вещей, которыми можно навредить. Я перебираю их: длинные, тонкие, но твёрдые, из стали-нержавейки, на времена, Рана, на времена, тебе пригодится. Пригодилось. Много раз, пап, что иногда я думаю, может, лучше бы и сломалось? Сломалось, когда не надо, и я убежал? Убежал, когда он меня просил?

Детская площадка, трамвайные пути, насыпь, стокий и стооконный, многоликий и многоквартирный слизняк дома, и один мой чёрный-пречёрный чемодан с открытой крышкой, из которого торчат углы баулов.

Спать на диване неудобно, то слишком жёстко, то слишком мягко. Много пространства, постоянно ворочаюсь. Просыпаюсь оттого, что под головой нет подушки – на полу. Бросаю сонный взгляд на чемодан, тяну с пола её, подкладываю под голову и уговариваю себя заснуть. Так спать иногда тоже надо.

Каждое утро себя повторяет, разве что Вика не всегда рядом, и приходится оставаться один на один с баб Ниной, но хорошо, когда она занята своим – обожаемой плитой, за которой творятся её кулинарные чудеса, а она матушка крёстная фея, которая из фигни сотворит тебе завтрак богов. Жареная картошка с яйцом, зелёным луком, перцем и салом.

– Кушай – кушай, Шура, а то смотреть на тебя больно. Ещё тоще Вовы! Тот-то понятно, о себе не думал, но ты-то думай, ты же не он!

Я – не он. Высоцкий был атлетически сложен, над моим дизайном разработчик не особо парился: наложил кожу на стелет, добавил мяса, немного жировой прослойки и готово. Рана готов, а отец говорил, что мы похожи. Может быть, в детстве я был поупитаннее, фотографий нет, чтобы оценить, а в зеркало я много не смотрел. Я много смотрел на Высоцкого, на его сосредоточенное лицо, на две лёгшие между переносицей линии, нахмуренные тёмные брови, чуть поджатые губы, которые размыкались и говорили: «Готово». Всё было действительно готово, и его лицо разравнивалось, лишалось морщин, хмурости, обращалось радостью

и светом. Специально для меня. Запомнил, Рана? Рана, конечно, запомнил, не мог позволить себе забыть, сам же отец работал, надо было смотреть, надо было запоминать, чтобы в следующий раз не оплошать и показать свои лучшие навыки, иначе зачем отец его брал и учил всему? Нужно было оправдать ожидания.

На работе дневная смена, но на веранде. Вместе с хостес изнываем от жары. Она встречает гостей, раскладывает меню, говорит о скидках, а я принимаю заказы и говорю-говорю-говорю о том, что у нас здесь и как. А соевое молоко есть? А кокосовое? Можно без лука, укропа, сельдерея, авокадо? Всё то же самое, но через тридцать минут... Пока стою и жду, смотрю на улицу и на людей, раздетых по погоде, яркому солнцу, готовому всё расплавить и сожрать, как желатиновый куб из «Вперёд»¹². Проезжают люди на велосипедах, электросамочкатах, кто-то умудряется бегать по узкому проспекту, а я выхватываю взглядом белые мужские футболки, но слышу голоса и понимаю, конечно, это не он, и быть его здесь не может. Это же центр. А у него ещё псина. Без псины он же никуда. С ней должен быть, такие эти собачники.

Когда принимаю заказы, стараюсь отвлечься на то, что находится ближе, а не на расстоянии вытянутой руки, за столами с белыми скатертями, которые к концу дня будут замазаны соусом тартар. Телефоны, ключи, кард-кейсы, кошельки на крайний случай, висят на стуле маленькая женская сумочка, большой облезлый рюкзак. Оцениваю обстановку: кто на кого смотрит, кто что ест, кто что говорит, кому уделяет внимание хостес, куда направляется второй официант, и ухаживает за заказом. Не здесь уж точно. Не сегодня, и не так.

Сегодняшнюю смену я отрабатываю полностью и возвращаюсь домой после десяти. Через пруд. Спеша, мимо людей, детей, какого-то чёрта, пряча руки в карманы и сжимая ключи, а перед глазами белая футболка с рисунком жёлто-зелёного хвоста в виде молнии. Я останавливаюсь. Замираю на месте, не дышу, стою и думаю, он или не он, а даже если он, то какая разница? Я кому-то что-то обещал? Себе? Нет. Ему я уже отказал. Ленке тоже ничего не говорил, и она сама согласилась, что ничего путного не будет. Глупость какая. Но обойти его себе я не даю, а он отдаляется. Без псины своей гуляет. Всё-таки без неё. Или это не он. Показалось? Наверное, показалось. Показалось же? Уверен, что так. Иди мимо, Рана, иди дальше. Это ничего не значит, но я открываю рот, делаю шаг вперёд и говорю слабое:

– Эй.

Не слышит. Повторяю громче, ближе, подхожу вплотную, шевелю губами, пока не трогаю за плечо. Он не вздрагивает даже, оборачивается. Смотрит тёмными глазами. И да, это он. Тот самый глухонемой, просто без псины, но в той же футболке. А на груди, с левой стороны маленькое «Рокéмон». Сколько тебе лет? Ребёнок, что ли?

Разворачивается ко мне, поднимает руку, приветствует. Делаю тоже самое, только совсем неловко, сжато. Будто не я сам к нему подошёл и «окликнул». Стою теперь, а что делать не знаю. Не заговоришь же словами, а даже если бы заговорил, то чтобы сказал? Изменится ли моя жизнь? А мне это надо? Чемодан ведь зовёт. Мой дорогой чемодан, который стоит в комнате. Ему так же одиноко без меня, как и мне без него, и мы только вместе полны.

Глухонемой улыбается, приоткрывая губы, и показывает на меня, затем на себя и складывает руки вместе. Я же говорил, что не понимаю. Или он забыл, что это был я? Ну да, с чего бы запоминать? Я бы и не стал. Качаю головой и достаю телефон.

«ты предлагал познакомиться?»

Вот и всё. Он активно кивает, трясёт головой. Помнит меня. Тогда что обозначал его жест? Не понимаю... Глухонемые эти. Он печатает на своём:

«Я – Глеб».

«Рана».

¹² Желатиновый куб – это существо, похожее на вязкую зелёную жидкость, которое поглощает всё на своём пути. Одна из самых смертоносных ловушек в мультфильме «Вперёд» (2020г.)

Он смотрит удивлённо, раскрывает свои пушистые ресницы. Ресницы, как шесть у его же овчарки. И цвет глаз такой же – тёмный-претёмный, не разглядеть зрачка, но в самих глазах, морщинах вокруг них, отлично отражается всколыхнувшаяся в нём надежда, радость, доверие. Отчего? Оттого, что я подошёл? Заговорил? Ждал этого? По какой причине? Разве мы тогда не в первый раз встретились? В первый же. Такую тупую псину я бы сразу запомнил. Овчарки здоровые и опасные, от таких бежать надо, такие глотку разорвут, стоит хозяину дать команду. Они с виду милые и славные, а на деле прирождённые охотники и убийцы. Задуют своей зубастой пастью на раз-два.

«это моя кличка. Фамилия».

«Фамилия? Необычная. Никогда такой не слышал».

Не слышал... Будто он может что-то слышать, но выразиться так он точно может. Почему-то я от этого улыбаюсь. Подтягиваю левый угол рта, как-то непозволительно уж высоко, наверное, чересчур высоко, насмешливо. Глухой услышал, надо же, и такое бывает? Оказывается, бывает.

«могу паспорт показать. Самая что ни на есть настоящая».

Моя. Но не отцовская. Материнская. Мама-Рана, сына-Рана, а папа-Высоцкий.

«Верю».

А мог ведь и придумать, чтобы впечатлить. Больше двадцатисемилетнему мальчику делать нечего, впечатлять других людей тем, какая у него красивая фамилия, состоящая из слова-существительного.

«Обменяемся номерами?»

Логично. Конечно, чем нам ещё меняться? Я даю ему вбить свой номер у меня и сбрасываю ему звонок. Вот и обменялись. Вот и познакомились. Всё? Правда, всё?

«Куда тебе идти? – спрашивает он. – Могли бы немного поговорить по пути. Только если ты не против, конечно».

Конечно.

Я лишь указываю в сторону дворов. Глеб кивает. Глеб... Подходит ли ему это имя? Выше меня, крепче сложен, плечи широкие, бёдра узкие. Высоцкого напоминает, только отец был немного худосочнее. Сам Глеб с виду правильный интеллигент. В футболке с «Покемонами». Сколько ему? Двадцать? Двадцать два? Как Хмурому? Но как Хмурый он не выглядит. Хмурый лжец, а этот как честный малый, который пообещал прожить свою жизнь праведно, чтобы не подвести ни матушку, ни батюшку, и вид у него такой: «Я приму все твои грехи». Не мои лично, а вообще, псины своей, которая диван раздербанит, своих родителей за то, что родили инвалида, придурковатых детей, которые насмехались над тем, что ничего не слышит, и обзывали-обзывали-обзывали, пока он улыбался им, потому что не разбирает, какие слова их губы говорят. Всё прощал, всё принимал. Таким вот он и кажется.

«Ты с работы?»

«да. А ты без псины?»

Так и пишу: «без псины». Забываю, что люди говорят «собаки», чтобы проявить уважение, показать, что нормально относятся к животным. Но я же нормально не отношусь, чем раньше узнает, тем лучше. Надеюсь, не дурак, поймёт.

«Устала. Отдыхает. А я проветриться вышел, пока заказ готовится».

Какой-то заказ делает.

«на дому работаешь?»

Кивает.

«ты ведь глухонемой, верно? От рождения? Или стал таким?»

«От рождения».

По виду не похоже, чтобы задело. Вообще. Спокойно смотрит, продолжает улыбаться, радоваться тому, что мы «говорим», идём мимо детской площадки, мелких горок, качелей, он

не отводит от меня мягкого взгляда. В нём можно утонуть, как в растопленном шоколаде. И это совсем неприятно, ведь растопленный шоколад обжигает.

«а как ты можешь печатать? Ты ведь не знаешь, как звучат буквы, как ты их читаешь?»

Это заставляет Глеба рассмеяться, но не так, как меня в гараже у Хмурого или самого Хмурого, тут же – неполноценно, неоткрыто, со сжатыми губами, одним горлом. Первородный звук мало похож на смех, но схожее в нём угадывается. По лицу, по сложенным бровям, по извиняющему жесту: «Я не над тобой смеюсь, правда». По сложенным бровям, по извиняющему жесту: «Я не над тобой смеюсь, правда».

«Сначала я учил язык жестов, потом дактильную азбуку, учился читать слова и предложения, а потом отдельные буквы».

Учитывая скорость его печати, научился он очень хорошо.

Я указываю пальцем на «дактильную», Глеб меня сразу понимает. Даже объяснять ему ничего не надо. Он сам по себе такой или привык, что таким, не-глухонемым, как я, надо все мелочи объяснять?

«За каждой буквой закреплён свой жест. Обычно жест обозначает слово, здесь – одну букву».

То есть сначала он учит слова, а затем буквы, из которых эти слова состоят.

«понятно. Сложно было?»

«Я тогда не понимал, сложно это или нет. Делал, что говорят».

Говорят... Он и не понимает, что, если ему «говорят», на самом деле не говорят, а передают жестами, печатают на телефоне, но для него это разговор, это контакт. Он слышит, он говорит. Он чувствует себя полноценным, несмотря на свою инвалидность. Многие люди, даже при своей полноценности, ощущают себя калеками, а он вон как держится, бодрячком. Ничего его не смущает, ничего не беспокоит. Ему хорошо, ему спокойно.

«круто».

Выходим к дороге, к трамвайным путям, а там и один, к моему пучеглазому рогалику, из которого сочится свет, несмотря на то что свет сейчас нас окружает постоянно. Указываю, что мне туда, а Глеб кивает. Требуется уточнение.

«я один».

На миг теряется и снова машет головой, быстренько перебирает пальцами.

«Понял. Тогда я напишу тебе потом?»

«да».

Напиши. И я почему-то напечатал эти две буквы, вместо того чтобы согласно качнуть головой, как он. Протягивает руку. Большую, мягкую. Тёплую, как варёжка, и от этого ощущение, будто меня опустили в кастрюлю с закипающим супом баб Нины. Я вспомнил, какая на улице духота, что кофта липнет к спине, что руки обтягивает ткань, что ноги обмотаны, будто бинтами, а теперь ещё и пальцы руки в липком сидре, который нечем стереть.

Еле делаю вдох, качаюсь напоследок и спешу перейти дорогу, не кидая даже взгляд на Глеба. Он так и остаётся стоять, кажется. Провожает глазами, потому что словами не может, а я хочу побежать и, когда скрываюсь под крытым рынком, перехожу на бег. На пешеходном переходе чуть не цепляют, но я вовремя проскакиваю, гудят, кричат матами вслед, а я бросаюсь домой. Не дожидаясь лифта и бегу через ступени на двенадцатый этаж. Весь обливаюсь потом, задыхаюсь, готов сорвать с себя одежду здесь и сейчас, но держусь. Держусь из последних сил, так, как не держал себя тогда, когда Высоцкий говорил бежать. Тогда я не бежал, а вот сейчас дал дёру.

Хлопаю дверью, скидываю кроссовки и залетаю в комнату. Щёлкаю задвижкой, снимаю кофту, штаны, опрокидываю чемодан, вытаскиваю баулы, которые заняли моё место и возвращаю его себе. Сжимаюсь в нём и закрываюсь крышкой, крепко поджимая к груди и руки, и ноги. И даже крепления от ручки мне не мешают, наоборот, вдавливаются в кожу, рёбра, бёдра,

таз и мне хорошо, они говорят, мы с тобой, мы – часть тебя, как и ты – часть нас, но иногда собственные части приносят дискомфорт, это нормально, просто нужно их принять, полюбить, примириться с ними и носить дальше.

Я и ношу.

Трусь о них, дышу через рот и крепко-крепко закрываю глаза.

3. Умная девочка

Без подушки ноет левая часть головы. Цена, что ты платишь за нерадивые части, которые тоже ты. Я откидываю крышку и обнаруживаю себя в одних трусах. Носки, штаны, кофта валяются рядом на полу. Голову запрокидываю, смотрю на белый потолок, неуместную громоздкую люстру, которую постоянно цепляю руками, стоит мне их поднять, и прозрачные плинтусы. Вылезаю из чемодана и напяливаю домашние вещи, затем вылезаю из комнаты. Всё привычно: шипение сковороды и телека. и телека.

Вика ест запеканку со сметаной. Встречает меня благостным выражением черепахи, которая прождала своё потомство в море целое столетие.

– Приятного, – говорю и заваливаюсь, как всегда, между столами.

Зелень на втором вытянулась к солнцу, что-то бабка уже подстригла и настругала в салаты, супы или вчерашнюю картошку.

– Шура, – не оборачиваясь, начинает баб Нина, уже заранее готовлюсь, – у тебя сколько – сколько выходных?

– Один сегодня, потом три рабочих. Меня весь дома не будет, – напоминаю ей, чтобы не начала названивать и говорить о том, что трубку я почему-то не беру. – И смены ночные.

– Господи, помилуй, ночные... А дневные – дневные попросить нельзя?

– Там такое заведение. Нельзя постоянно только в день выходить. Что поделаться.

– Переживаю... Переживаю я за тебя, – трясётся её зефирная фигура своими перекатывающимися под фиолетовым халатом складками, – поздно возвращаешься...

– Когда поздно заканчиваем, там развозка – не парься. – Так ей и говорю: «Не парься, баб Нин, надо быть на чилле и расслабоне, сечёшь?»

– Но не прям же до дома – до дома довозят, да? – Её предплечья трусятся, как при маленьком землетрясении.

– Но близко. И я же парень, за себя постоять смогу. Кого тут бояться?

– Шура, есть тут кого бояться!

Например, орущих в три часа ночи пьяниц, которые либо сами песни горланят, либо включают их в машине. Иногда баб Нина из окна им кричит, что полицию вызовет, кто-то с нижних этажей её поддерживает. Иногда полицию реально вызывают и бухих увозят. Часто я их не слышу, потому что закрываюсь крышкой – этой защиты мне достаточно. Это мой личный «домик» в домике, который не подведёт, стены которого не сломить, крыша которого никогда не обвалится, в котором тепло и уютно, темно и мягко, несмотря на то что никакого пуха в нём нет, никакой подкладки тоже. Бездущная, тонкая материя, купленная на рынке у китайцев за три с половиной тысячи, которая оберегает мой покой днём и ночью.

– Буду осторожнее.

Баб Нина отрезает крупный кусок запеканки, не меньше, чем у Вики, ставит на стол и рядом кружку чаю, которая расплёскивается по клеёнке. Сама она на это внимания не обращает. Кладёт вилку, указывает на варенье, сметану, а я киваю. Киваю и киваю, а Вика с грузом тяжелейшей ответственности пропихивает в себя ложку за ложкой, которые в неё уже не лезут. Заставляет себя, давится, запивает чаем, чтобы там в желудке утрамбовать, а потом снова втиснуть, что получается.

– Девочки ведь что-то покупают? Баллончики какие-то? Купи себе тоже что-то такое.

А сама говорит, что я взрослый, о себе позаботиться могу. Так могу или нет? Пусть уже решит, нужны ли мне эти перцовые баллончики или ключей достаточно? Ключи ведь как кастет использовать можно, если правильно зажать, да и если целиться в глаза... Глаза очень уязвимы, проткнуть просто. Девочки тоже ключами пользуются, я видел, из видео про самооборону.

– Куплю.

– А называется – называется хоть как?

– Перцовый баллончик. Могу и тебе такой купить.

– Купи Вике! – Вика вздрагивает при взвизге, а я успокаиваю её, глядя тапкой по икре.

– Она маленькая такая, ходит одна, кто-то точно будет к ней цепляться.

Вика смотрит своими широкими, светло-серыми глазами и сама не знает, что сказать. Летом она никуда не ходит, дома сидит, в «Геншин» играет; когда начинается учебный год, за ней бабка присматривает, таскается следом, зачем ей баллончик? Но Вике я бы купил. Пусть валяется, даже если без дела, ей он нужен.

– Куплю, – говорю я для Вики, и она соглашается со мной.

– Молодец, Шура! – Баб Нина оборачивается. – А чего не едите? Для кого готовила? Ну-ка, есть, кому сказала!

И приходится есть, что нам ещё остаётся. Час возимся за этим делом, пока бабка прыгает в привычном фитнес-ритме в скромных метрах кухни, никого из нас не задевая своим телом, но удачно цепляясь каждый раз словами. Я будто бы привык, я к этому остыл, а Вику что-то трогает. Она знает, как бабка работает, что она скажет, как отреагирует, как громко взвизгнет, но что-то не даёт ей покоя, что-то её беспокоит.

– Вика, побреешь меня? – спрашиваю, когда думаю, что самое время вылезать из духоты, и Вика хватается за моё предложение.

– Только газеты – газеты постелите! И за собой уберите, чтобы волос не осталось!

– Конечно, – отвечаю я быстро и выталкиваю Вику из кухни.

Вместе залезаем в ванную и выдыхаем, улыбаемся друг другу.

– А тебя как подстричь?

– Как обычно, под тройку.

Я нахожу под раковиной машинку и насадкой и отдаю её Вике. Несколько газетёнок лежит тут на этот же случай. Я сажусь на бортик ванны, а Вика обвивает вокруг моей шеи здоровое зелёное полотенце, проверяет, чтобы на меня не попало.

– Жарко, наверное? – смотрит на меня с жалостью, когда замечает, что оно поверх кофты с длинным рукавом.

– Нормально.

Она включает машинку, и та тарахтит. Медленно сбывает отросшие на несколько миллиметров волосы, следит, чтобы мне в глаза не попали, прикрывает ладошкой, стряхивает в ванну, смотрит внимательно, чтобы ровно было, чтобы нигде не выпирало, несколько раз проходит, уточняет, не больно ли мне. Знает, что не больно, не в первый раз. А в первый раз очень боялась, что поранит, пойдёт кровь, в череп попадёт, и я умру. Вот так вот просто. Я попросил её не потому, что не мог справиться с этим сам, а потому что, как и тогда, нам надо было как-то оказаться наедине. Или даже не так – не с баб Ниной. Без неё. Вот так мы и оказывались. Без баб Нины, без тётки Райи, без чемодана и «Геншина».

Волосы падают на шею, щекочут, а Вика сдувает, стряхивает их ручкой, ходит вокруг меня, осматривает и довольствуется своей работой. Когда заканчивает, машинку не выключает, просто садиться рядом.

– А ты всегда с короткими ходишь?

– Да.

– И никогда не отращивал?

– Не отращивал.

– Потому что как у девчонки бы тогда было?

Нет, потому что Высоцкий говорил, да так это и есть, что твои волосы – это твоя ДНК, это твой след, а следы оставлять нельзя. Волосы – очень неконтролируемая штука, валяются постоянно, лучше сразу от них избавиться, чтобы не было проблем. Всё должно быть чисто. Если бы была возможность прижечь пальцы и остаться без отпечатков, он бы и это сказал сделать, и я бы сделал, но это неработающий метод, отпечатки со временем возвращаются, восстанавливаются, организм регенерирует, потому это будет бесполезная, ненужная боль, а вот стричь волосы и ногти – это не больно, это нужно делать, чтобы о твоём существовании никто не узнал, никто не попытался вычислить кто ты и какой ты. Хмурый прячет свои патлы за маской, как и Боб с Марли свои горшки.

– Я думаю, что мне не идут длинные, как и быть совсем лысым.

– Это правда. – Вика кладёт ладошку на мою голову и щекочет себя короткими волосами.

– Я про второе, про первое сказать не могу. Надо посмотреть в приложении с масками, где длинные волосы. Может, и пойдёт? Если пойдёт, будешь отращивать?

– Не летом.

– Это точно... На зиму? Чтобы как шарфом кутаться?

– На это надобится несколько лет.

– Тоже верно...

У самой волосы по поясницу. Обрезать их не хочет, несмотря на духоту, тяжесть из-за густоты. Говорит, когда придёт время, тогда всё и сделает, сейчас оно ещё не пришло. А я говорил, девочка она взрослая, несмотря на свои десять лет, думает не по годам, совсем не по годам. В свои десять лет я только и делал, что отцом восхищался и смотрел на него с открытым ртом, да и сейчас так делаю, а вот Вика сама о себе позаботиться в состоянии. Просто ещё маленькая, не может отсюда вырваться. Чтобы бабка не трогала, нужно, чтобы двоюродный брат позвал побрить его, а потом вместе с ним сидеть на бортике ванны с включённой машинкой и делать вид, что они бреют, бреют, бреют, чтобы их не побеспокоили, не тронули, ведь они заняты важным делом. Нужно им притворяться, играть, разыгрывать сценки, чтобы не взвизгнул старческий седой голос: «Вика! Шура!» Не хотят они его слышать, пусть лучше дребезжит машинка для бритья, чем шипит плита.

– Что-то случилось? – прямо спрашиваю, когда Вика свешивает голову.

– А что-то случилось? – не понимает она.

– Ну... Это ты реагировала на бабку. Не так, как обычно. Подумал, что что-то случилось.

– А-а... Как сказать? Ничего нового не происходит, всё на своих местах, да? – Да, всё на своих местах. – Но именно это... И не устраивает. Так будет всегда? Сколько так ещё должно быть?

– А сколько ты хочешь, чтобы так было?

– Нисколько, – честно говорит и смотрит в оранжевую плитку, которая должна нас унести то ли в апельсиновый рай, то ли на песчаный пляж, а по итогу только зажаривает, как в духовке.

– Минимум можешь до шестнадцати, – говорю ей, а она не понимает. – Сдашь ОГЭ и поступишь в колледж, съедешь в общагу от них. Максимум – вся твоя жизнь, будешь третьей вместе с ними...

– Второго я точно не хочу... Не всю жизнь. А шестнадцать – это так далеко. Шесть лет целых.

Уж я-то про шесть лет знаю достаточно. Три раза по два года. Но Вика об этом не знает. Знает версию про то, что Шура сидел, сидеть плохо, воровать плохо, не будь как Шура, а Шура не должен быть как большой дурак Вова, вот и всё. Вся история, а что там было, никто не знает.

– Тебя, наверное, тут и через пять лет не будет, да? – тонко спрашивает она, прижимая к себе машинку и ещё ниже опуская свою черепашью голову.

– Не знаю... Правда, Вик, не знаю. Может, бабка меня попрёт, скажет, что я, как отец, и мне не место рядом с ней.

– Разве дядя Вова не убежал от неё?

– Убежал, но... Сейчас она ведь считает, что, даже если бы он был жив, она бы его не приняла, верно? Потому что... Натворил делов... Ну, много чего сделал не так.

– Из-за того, что воровал, да? И тебя?... Извини, Рана. Я знаю, тебе не нравится, когда я говорю о дяде Вове...

– Мне не нравится, когда о нём говорит бабка. Она всегда к нему так относится, будто он ничего хорошего не сделал... Она его совсем не знает, а он, между прочим, её сын! – Я дёргаю полотенце и рассыпаю остатки волос, которые забрались в складки. – Я этого не принимаю... Она не знает... Ничего о нём не знает.

– Ты... Его любишь, да?

Я смотрю на неё. Как можно не любить своего отца? Наверное, так, когда он алкоголик и тётка Райка сама выгоняет его, чтобы он тоже не натворил делов. Вика своего отца не знает, у неё есть одна семья – мать и бабушка, отца в этой картине мира нет. Ещё появился я, двоюродный брат, появился с потолка, без семьи, без роду и племени, но она не сказала, чтобы этот паршивец валил вон. Никто из этих женщин мне так не сказал, приняли, сказали жить и сказали не допускать ошибок. Вот и всё, что от меня требуется.

– Он всегда был со мной, – так и говорю, – он всегда заботился обо мне, всему научил... Как я могу быть ему не благодарен? Как я могу согласиться с ней, что он дурак и вообще... Не быть, как он? Я хочу быть, как он, но я знаю, что никогда не буду. Я мелкий, щуплый, а он был высоким, сложенным. Тоже не амбалом, но мужчиной, а я как пацан постоянно. – В чемодан без проблем помещаюсь. – Мы даже внешне не сильно похожи... А она хочет, чтобы у меня о нём даже памяти не было. Я не могу ей этого простить.

– И не надо. Она правда ничего о нём не знает. Это же ты с ним жил, а не она. Он тебя воспитывал, а не она... Просто, думаю, ей... Обидно? Наверное, обидно, что всё так.

Не понимаю, почему ей вообще может быть обидно. Это мне за отца обидно, что о нём так говорят, что после смерти к нему такое отношение. Если бы тётка Райя вылезала из своей комнаты, она бы тоже что-нибудь сказала, поддакивала бы бабке и говорила, что брат её – идиот и не стоит того, чтобы о нём думать. Ничего они о нём не понимают, ничего они о нём не знают... Пустоголовые жирные курицы, которым в самую пору отрубить головы на пне и заставить бегать тело, сочащееся кровью.

– Извини, Рана, – повторяет Вика. – Я не знаю, что говорить.

– Ты и не должна. Это наши с ней разборки. Спасибо тебе, что... что хотя бы не как она.

– Как она быть сложно.

– Как та бабка из «Энканто»¹³, верно?

– Точно... Но та изменилась, может, и наша изменится?

– Это в мультиках попел песенку, станцевал и поменялся, а в реальности... Сколько лет она такая? Сомневаюсь, что она захочет меняться. Да и не надо ей это. Но и я не буду. Мне это тоже не надо.

Вика лишь соглашается со мной, кивает своей головой и сжимает сильнее машинку для бритья.

– А можно к тебе будет зайти? – с надеждой спрашивает она.

– Я посмотрю, что там у меня. – Вру, откровенно вру.

¹³ Энканто – мультфильм, где одной из ключевых тем являются взаимоотношения в семье, в том числе конфликт поколений.

Уже год тут прожил, а Вику пустить к себе не могу. Всё отгораживаюсь Ленкой, работой и тем, что у меня, двадцатисемилетнего есть очень важные, офигеть какие важные дела, а с ней, десятилетней будет скучно.

Уже, наверное, за год и выучила, что, когда я так говорю, мы вместе не посидим. Паршиво ты поступаешь, Рана, некрасиво. Сказать ей не можешь, что ты трусло, которое боится людей к себе в комнату запускать. Бабка-то может зайти, тебя там нет, она ищет там, где ничего нет вообще, рыщет по пустыне в поиске невидимых доказательств, для неё чемодан – это всего лишь чемодан, а не как для тебя – дом и обитель. Она ничего не поймёт, а Вика – девочка умная, может понять. Как и сейчас понимает, что я вру, не позову к себе, не расскажет она мне ни о том, кого выбила, какое оружие получила, какую арку завершила. Ничего не расскажет, а меня-то прослушала и про дядю Вову, а я ей даже отплатить не могу. Перцовый баллончик какой-то куплю и всё, и то, по указке баб Нины, а не потому, что сам так переживаю... Трусло ты, Рана, трусло.

– Хорошо.

Вика выключает машинку, и мы принимаемся собирать волосы и смывать их. Бабка говорила, чтобы мы этого не делали, даже если они короткие, потом проливать придётся каким-нибудь «Кротом», после того как не сможем слить воду из ванны. С пола всё подметаем, полотенце отряхиваем, я голову всполаскиваю, а Вика, как на счастье, ещё раз трёт её и улыбается. Улыбается в последний раз за сегодня, потому что я её обманул.

Ухожу в комнату и вытягиваю руки. Рукава намокли, вода затекла за шиворот, но я ничего не меняю, только беру телефон, а там сообщение от Глеба, полученное семнадцать минут назад.

«Доброе утро.

Ты свободен сегодня вечером?

Можно было бы погулять у пруда».

Можно было бы. Если у пруда, то это значит одно:

«будешь со своей псиной?»

Пишу быстрее, чем доходит, и исправляю на «собакой». Чтобы быть уважающим животных, интеллигентным человеком, хотя спалил себя со всеми кишками я ещё вчера. Интересно, запомнил? Придал этому значение? Или нет? Насколько для него важно, как к его собаке относятся такие мимоходы, как я?

«Да, хотел с ней прогуляться.

Фрейя зовут».

Ещё и сука. Без понятия, что от них ждать. От этих бешеных овчарок – с виду спокойные, послушные, а дай команду – и настоящая фурия.

«Но, если ты против, можно без неё».

Как мило, как славно, он думает обо мне, о том, как я буду себя чувствовать. Вот кто на самом деле интеллигентный мальчик. Высоцкому бы он понравился. Высоцкий был тем ещё интеллигентом, и я во всём хотел ему подражать. Нож в правой, вилка в левой. Не спеши, Рана, никуда еда не убежит. Ты так голоден? Почему сразу не сказал, поели бы раньше. Плохо себя чувствуешь? Простыл? Иди сюда, я помогу тебе. Только говори, хорошо? Будешь молчать, и у нас ничего не получится, мы должны быть в лучшей форме, и ты, и я, если будем болеть, недоедать, страдать от жажды, то какой толк? Так нельзя. В первую очередь нужно позаботиться о теле, о себе, о себе самом – ты у себя один, слышишь? И я хочу о тебе позаботиться, чтобы с тобой ничего не случилось. Ты вырастешь большим и крепким, таким, который всем даст отпор, верно? Хочешь быть таким, как я? Будешь как я, значит, Рана. Молодец, хороший мальчик. Хороший мальчик...

«не против».

Против, конечно, но, если его псина меня трогать не будет, проблем тоже не будет.

«Хорошо.

Тогда в 7 тебе подойдёт?»

Подождёт. Около пруда. Ещё уток покормлю, как обычно. Чем я там всегда и занимаюсь, просто теперь ещё придётся переписываться с глухонемым. Такого у меня ещё не было. А что Вике сказать? Извини, у меня на семь дела. А что до этого времени? До этого времени мне надо к встрече подготовиться, много моральных сил собрать, не готов я, понимаешь, так резко свалилась, и нет, это не Ленка, не моя девушка, которая мне и не девушка вовсе, а какой-то парень с улицы и его Фрейя.

И кличка какая-то знакомая... Из сериала, что ли? А оказывается, скандинавская богиня любви! Вот это закидон, псину так назвать. Он специально? Аж смеяться хочется, но я только улыбаюсь, как придурок всеми зубами. Никогда бы не додумался так собаку назвать! Или он её так любит? Тогда удивительно, что на аватарку не поставил. Стоит посмотреть, у него там фотография тени с глазами в виде одуванчиков, и всё, больше ничего нет, ни своей фотографии, ни фотографии Фрейи, ни какого-нибудь видосика. Шифруется? Есть причина? Ну-ну, у него-то? Такого правильного пай-мальчика глухонемого? Не поверю никогда.

Откладываю телефон и заваливаюсь набок, кутаюсь в одеяло и сдыхаю от духоты, но так мне почему-то приятнее. Так я возвращаюсь в то время, когда мы с Высоцким жили в деревне, так же без вентиляторов и кондиционеров, только дверь была нараспашку открыта, и ветер попутный ходил туда-обратно, колыхая белую занавеску. Отец жарил омлет, а я смотрел в окно. Солнечный свет облизывал каждый осколок реальности, но я был заморожен тем, какие яркие саранки¹⁴ у нас во дворе растут. Они впитывали в себя солнце и были ярче него самого. Они сияли красно-оранжевым, и я спрашивал у папы, можно ли мне одну, а он говорил, что они дольше процветут, если будут расти на улице, но если я так хочу, то одну можно, остальные нужно оставить. Я хотел, не удержался, сорвал, весь обмазался пылью, был красный, довольный, показывал цветок папе, а он мне улыбался, гладил меня. Мы поставили её в двухлитровую бутылку из-под минералки, и я наслаждался ею, пока ел свой омлет с помидорами. Она была моим личным маленьким солнцем, которое не обжигало, а Высоцкий говорил, что мне присуще чувство прекрасного. Он так говорил, а я думал: «Прямо как тебе. Я как ты. Смотри, папа, я как ты, как ты, один в один». Саранка завяла быстрее своих сестёр, но я оставил её засохшую, и пусть потухшая, в пустой бутылке, но она всё равно стояла и светила.

Надо и здесь порыскать по дворам, поискать саранки. Уверен, где-то я их видел. Может быть, их видел Глеб. Одну сорву, никто не умрёт. И саранка эта тоже не умрёт, я позабочусь о ней, как в детстве, а отец меня снова похвалит. И будет хвалить за мой эстетический вкус и гладить по голове и говорить: «Молодец, Рана, молодец, хороший мальчик». Хороший...

Я прикрываю глаза, плотнее кутаюсь и прижимая к телу ноги.

Говорят, если часто о чём-то думать, то ты можешь увидеть это вовне. Так Менделеев увидел свою таблицу, Моана¹⁵ видела свой остров, который гибнет, а я бы, сколько ни думал, сколько бы ни вспоминал отца, ни разу не видел его там – во сне. Я вообще снов не вижу, никогда их не запоминаю. На диване я не сплю, а в чемодане их кто-то забирает. Сам чемодан. Сны – моя плата за то, чтобы пользоваться его добротой и покровительством. Всегда ведь надо чем-то платить. Платить... И Хмурому за информацию придётся чем-то заплатить. И чем, если я решу отказаться? Что ему дать? Денег у меня нет, машину разбирать я не умею – учить меня он не будет, только лишнее время потратит, что тогда? Согласиться на дело поменьше? Которое смогу и сам проверить, а ему отдать кошелек или телефон? Такое ему не нужно. Такое он сам может себе купить. Посмотрит на меня, как на остолопа, и скажет, что я вообще

¹⁴ Саранка – народное название лилии кудреватой.

¹⁵ Главная героиня одноимённого диснеевского мультфильма.

такое придумал, как я расплачиваться буду, это всё несерьёзно, Рана, у нас тут важные дела решаются. Важные. А сам даже информацию не собирает, придурок...

Так и лежу до выхода, даже Вике ничего не сказал, но она умная девочка, ещё тогда всё поняла, когда я сказал: «Посмотрим». Ничего Рана смотреть не будет, сказала она сама себе в тот момент и пошла свою в комнату, чтобы бабка не достала.

Я захожу на кухню, быстро ем харчо и переодеваюсь. Вылетаю и бегу в «Пятёрку», там хлеб за четырнадцать рублей, и к пруду, постоянно поправляя прямой козырёк кепки, который чешет голову, а я смотрю перед собой и не знаю, не знаю, что сказать. Что напечатать. Сердце-то бьётся, не понимаю почему. Захожу на дорожку, а Глеб сидит рядом со своей Фрейей на одном колене, чешет ей за ухом, а та, раскрыв пасть, вытащила язык и прикрыла глаза. Так и стою, смотрю, не подхожу. Глеб сам видит. На нём чёрная футболка с фиолетовым принтом, серые шорты, кеды. Поднимает руку, улыбается широко, а я мелко киваю и подхожу. Не дохожу трёх шагов, смотря на псину, которая смотрит на меня со своим собачьим интересом. Она двигается ко мне, а я от неё, на несколько шагов. Глеб тянет поводок, показывает ей «стоп» и достаёт телефон. Приходится подойти. С левой стороны, подальше от псины.

«Тебе надо было сказать, я бы не брал её».

«нормально, если она не будет ко мне подходить и будет с твоей стороны».

Вот и все мои требования касательно нашей прогулки, большего и не прошу.

Глеб гладит Фрейю и показывает ей ряд жестов. Собака смотрит внимательно, внимает и, кажется, понимает. Она... правда?..

«она понимает тебя?» – так и спрашиваю.

«Да. Фрейя очень умная».

Так и не хватает «девочка». Умная девочка, хорошая девочка, самая лучшая девочка. Но если эта псина выучила его язык жестов, если она его понимает и слушает, как самые обычные голосовые команды, то она реально... умная.

«я никогда не думал, что собаки могут выучить язык жестов».

«А они могут, – смеётся своей улыбкой Глеб. – Как люди. Они могут даже «разговаривать» на нашем языке».

Говорить, что конкретно Глеб не «разговаривает» я не буду, зато спрашиваю, что он понимает, и он находит мне видео, где собака, нажимая на кнопки, которые выдают слова, «говорит» о том, чего хочет: поест, погулять, чтобы её почесали. Она составляет предложения из этих слов. Она их понимает. Моё удивление искренне его радует.

«Собаки, правда, умные, как и многие животные, но только если ими заниматься. Можно многому их научить».

«даже хомяков?»

«Про хомяков не знаю... – Глеб задумывается. – Пойдём потихоньку?»

И мы идём, а он пишем.

«Кошки очень обучаемы. Попугаи тоже. Вороны крайне умные и способные. Про дельфинов ты наверняка знаешь».

Фрейя клацает по асфальту когтями, идёт смирно со стороны Глеба, на меня не покушается и в мою сторону не смотрит. Я пишу одной рукой, вспоминая:

«иногда видел, как дельфинам показывают рукой, что делать, это значит, что они тоже жесты повторяют?»

«Да. Часто учат и словам, и жестам. Слова закрепляются за движениями и жестами. Как ты понимаешь, в моём случае возможны только жесты».

Но Глеба это несколько не разочаровывало. Вообще. Он не чувствовал себя неполноценным?

«тебе нормально это?»

«Что?»

«что ты такой».

«Глухой? – На лице ни капли оскорбления, только интерес. Ты это, Рана, имел в виду? Да, Рана это самое имел в виду, ведь никогда не понимал, как неполноценный от рождения человек может чувствовать себя полноценным, а Глеб таким казался, выглядел таким со стороны. – Нормально. Это ведь лишь особенность строения мозга, когда височная часть почему-то не работает, не воспринимает звук. Что-то пошло не так в развитии, но так ли это плохо? Это так, как есть. Я жив, вижу, дышу, хожу, я могу себя обеспечить, у меня есть настоящая жизнь, несмотря на особенность. Я могу общаться с людьми. – Он смотрит на меня, делая однозначный намёк. – Это лишь особенность моего развития, не больше».

«тебе из-за этого никогда не досталось? Не задирали?»

«Нет. Мне повезло. Либо я ничего плохого не слышал, либо меня оберегали. Родители вложились в моё развитие, в то, чтобы я стал членом общества, который ни в чём не нуждается и может жить самостоятельно».

«и ты можешь?»

Он кивает, а мне от этого мерзко. Он может. Ничего не слыша, ничего не говоря, только печатая буквы на телефоне и показывая своей собаке рукой, что делать, он может жить самостоятельно, может быть полноценным членом общества, а ты, Рана, кто ты такой? Чего ты достиг в своей жизни? Ты жив, здоров, видишь, слышишь, дышишь, сам своим ртом говоришь, своими ногами ходишь, но живёшь у родственников, которые никуда не отпускают, а если отпустят, назад не возьмут. Если промахнёшься, никого за твоей спиной больше не будет. Все отвернутся, а единственный человек, который был за тебя горой и за которого ты костями бы лёг, сам лежит в земле и уже давным-давно разложился. Костей, наверное, тоже не осталось. От Высоцкого ничего не осталось, даже креста государственного.

«Рана, ты как?» – Глеб подносит к моему лицу телефон, слепит экраном так, что хочется отбросить, кинуть в воду.

«давай посидим».

Показываю на хлеб, потом на уток. Устраиваемся и кидаем им кусочки. В этот раз без мякишей и желания попасть по жёлтому кричающему клюву, круглому коричневому телу, хлопающих по воде крыльев или торчащих из воды лап.

Фрейя сидит со стороны Глеба на скамейке, наблюдает. Послушная девочка. В самом деле, умная сука, натренировал её, привил манеры. Если бы она ещё на месте не сидела, я бы не сдержался и пнул её под рёбра.

«Я могу задать личный вопрос?»

Мы уже дошли до таких вопросов? Я лишь жму плечами, не представляю, куда его может занести.

«Ты боишься собак?» – такие вот у нас личные вопросы.

«а ты их любишь?»

«Мне все животные нравятся».

Говорил же, мирный пацифист, вот кто он такой.

«я ненавижу собак».

«Прямо ненавидишь?»

«прямо».

«Есть какая-то причина?»

Есть, но для Глеба её не существует.

«мерзкие создания».

«Тогда я не буду брать Фрейю. Извини».

Ещё извиняется за что-то. Я же сам сказал, чтобы брал.

«собаки везде. Этого не изменить. Пока они меня не трогают, мне пофиг».

«Уверен? Разве тебе не будет спокойнее, если её не будет?»

Наверное, он прав. Будет спокойнее. Но тогда нам лучше встречаться вообще не здесь. Не во дворах, где пасутся одни собачники. Я выдыхаю. Надо решить сейчас? Или есть время подумать?

«потом скажу. А сейчас забей».

«Хорошо».

Крошим хлеб, кидаем уткам, пристраивающимся голубям. Фрейя не реагирует даже на них. Подставляет морду ветру, а Глеб её ласкает, чешет между ушами, под подбородком, а она довольствуется его вниманием. Больше его получать не от кого, только от своего глухонемого хозяина. Наверное, она счастлива. С таким-то хозяином, который, как минимум, не поднимет на тебя голос и орать без толку не станет, но если орать будет собака, сможет ли он это определить? Сможет ли её остановить? Или придётся разбираться с недовольными соседями с помощью переписки? Сложно быть глухим.

«Пойдём?» – спрашивает, когда хлеб кончается. Так не терпится пойти, а меня ноги не тащат, но я встаю.

Под кепкой копится влага, под подмышками тоже, на спине. Я вытираюсь, бреду, как по пустыне, не смотрю вокруг, только бы рядом со мной псины не было. Когда дует ветер, я готов так же пастью его ловить и глотать.

«Жаркое лето выдалось, да?»

О чём поговорить, если не о погоде, верно?

«жаркое, не то слово. Быстрее бы закончилось».

«Лето тоже не любишь?»

«люблю, но не тогда, когда жарко».

На самом деле, не люблю, но не хочу, чтобы он подумал, что я ко всему в этом мире прикапываюсь: к нему, к псынам, погоде... Много набралось, надо умерить пыл.

«Понимаю. Сам плохо жару переносу. Лучше прохладное лето, в районе 17 градусов».

А он понимает. С этим я соглашаюсь. Тогда можно спокойно носить штаны и кофты, и никакого дискомфорта, никакой прилипшей сзади ткани, и на кухне достаточно открыть окно, чтобы вся духота вылилась наружу, а не заплывала к нам, будто её приглашали. И мне проще, и Вике.

Мы выходим с пруда и идём к скверу, ходим между деревьев. Глеб подбирает палку и кидает её. Далеко-далеко, и за ней стремглав несётся Фрейя на всех парах, словно догнать эту палку – задача первостепенная, жизненно необходимая. Глеб этим наслаждается. Он делает так постоянно и продолжает любить, несмотря на то что происходит это каждый-каждый-каждый божий день.

«тебя она не задалбывает?»

«Она?»

«псины твоя».

«Чем?» – совсем не понимает. Искренне не понимает, чем собака может достать человека. И смотрит так, большими глазами, полными изумления, как тогда, когда я тронул его за руку, заставил посмотреть на меня, всё ему не то, всё ему не так, непонятно, странно. О чём я вообще говорю?

«что о ней столько заботиться надо».

И снова улыбка. Эта простая, ни к чему не обязывающая, ни призывающая, которая говорит: «Вот о чём ты», я всё понял, сейчас расскажу: «Я её люблю, я был готов, что на неё придётся тратить время, поэтому нет, не задалбывает. Она даёт мне достаточно, чтобы я не уставал».

«а что она тебе даёт?» – остаётся сначала непрочитанным, потому что псына несётся к нам с веткой в зубах, довольная, улыбается так же, как Глеб, а несётся почему-то на меня, и Глеб это видит, встаёт передо мной, быстро опускается на колени и ловит свою собаку, которая

валит его на землю. Я сразу отскакиваю на несколько шагов, подальше от этой безумной фурии, которая, выпустив палку, принялась лизать его лицо.

Как можно позволить этой зубастой пасти быть так близко к своему лицу, к своей коже, своим глазам, носу, губам, языку? У меня в кишках опарыши шевелятся и объедают плоть живьём, пока я ещё дышу и по моим венам течёт кровь, а Глеб смеётся, зарывается пальцами в её шерсть, прижимает к себе, он бы ещё говорил: «Молодец, хорошая девочка, Фрейя, молодец, хорошая...», только если бы мог говорить.

Я отворачиваюсь, чуть подгибаюсь, прикладывая ноющие руки к животу. Их ломит, как при болезни и температуре в тридцать девять вместе с ознобом. И меня сейчас знобит в тридцатиградусную жару, когда по лбу течёт пот. Кажется, что сейчас ещё и стошнит поганым харчо, который я съел на ужин, всем жиром, мясом и рисом... Я выплёвываю жидкую слюну, которая копится во рту раз за разом, пока чужая рука не ложится на плечо. Я не могу испугаться, знаю, что это Глеб, что у него нет возможности написать, сказать что-то, но он дрожит, я это чувствую, и сам дрожу. Желудок бьётся, и я снова сплёвываю, падаю на колени и хватаю воздух ртом. Глеб успокаивающе гладит, а я вспоминаю, как говорил Высоцкий: «Чтобы немного умирить рвоту, дыши через рот, Рана, правильно, через рот, спокойно, не волнуйся, всё нормально. Если стошнит, ничего страшного», но мне страшно, что все органы полезут наружу, и сейчас кажется, что полезут, и я дышу, а псина стоит рядом, я это знаю, слышу её скулёж. Жалеет меня. Какая-то псина – овчарка притом! – жалеет меня. Я плюю и закрываю глаза, а Глеб всё гладит по спине и гладит, а я трясусь, боюсь, что реально вырвет. Вывернет внутренними органами наизнанку, как куклу. Откашливаюсь. Продолжаю дышать через рот, а потом тру лицо рукой. Прошло. Просто прошло, ушло, успокоилось.

И стало в глазах светлее, а телу очень жарко. Перед лицом мобильный Глеба: «Как ты?»

Я не хочу брать свой и печатаю прямо на его: «Бывало и лучше». Сбираю сопли носом и протираю лицо, разворачиваюсь к нему, а он весь такой потерянный, запуганный, будто я всё-таки пнул под рёбра его псину, и он теперь не знает, что делать. Нет, наверное, такой, как он, знает, в ветеринарку бежать надо, вместе с псиной на руках. Или опасно? А как вызвать? Говорить же не умеет. Чтобы тогда делал? Просил кого-то? Да, просил бы, собачников-единомышленников хватает, а на меня бы заяву наката, так ведь можно? Можно, за собаку свою с паспортом, где имя её официальное Фрейя, а фамилия – его.

«Можешь встать?»

«Хочу посидеть».

И я реально сажусь на колени, как сидел, а псина его хочет устроиться рядом, спиной её чувствую, но Глеб отгоняет рукой, жестом каким-то особенным, а другая его рука до сих пор на спине.

– Убери, – говорю и поздно понимаю, что не слышит. Забываю об этом.

Встряхиваю плечом, и он сам соображает. Умный мальчик. Умной девочке умный мальчик. У глупой девочки и хозяин под стать будет, это же логично...

Снимаю кепку и протираю ладонями лицо, затем поднимая его к небу. К небу, заволоченному зелёными листьями деревьев. Ещё кашляю, попёрхиваюсь.

«Сходить за водой?» – и тут его беспокойство. Откуда в нём столько? Ещё в людях не разочаровался? Похоже, что нет. Родители ведь о нём позаботились, всё дали, никто над ним не издевался. Повезло ему. Надо мной тоже никто не издевался, Высоцкий меня от всех защитил, но миру доверять я не научился. Я не как он, я не могу быть как он.

«Я могу и сам сходить, нужно посидеть».

Или полежать. Да, хочу лежать. На сухой земле, траве, с жучками, муравьями, которые могут заползти в нос, уши, рот. Но даже это не так страшно, как присутствие псины за спиной. Почему-то так сложилось.

«Хочешь домой?»

– Нет. – Я никуда не хочу. Я ничего не хочу. Я просто хочу застыть на месте и остаться тут. А лучше, чтобы здесь оказался мой чемодан, и я свернул себя туда, и меня отнесли в домик в деревне, где мы жили с отцом, и там бы я провёл всё лето, осень, зиму, там бы я умер, оставшись скелетом в чёрном футляре для одежды, носков и техники.

«Рана», – печатает он, а я забираю у него телефон. Не даю это делать. Не хочу больше ничего читать. Достало. Блокирую и отдаю обратно. Надеваю кепку и смотрю на колени.

Теперь надо восстановить дыхание, верно, Рана? Верно, папа. На раз, два – вдох, на три, четыре, пять, шесть – выдох. Понял? Повторяй. Раз, два. Три, четыре, пять, шесть. Не спеши, аккуратно. Всё получится. Плачешь? Не плачь, всё хорошо. Люди пользуются слезами других, никто не должен о них знать, особенно о твоих, держи при себе. Даже одному лучше не плакать, потому что заплачешь при себе, заплачешь и при них. Один раз? Хорошо, один раз поплачь, но потом возьмём себя в руки, хорошо? Молодец, хороший мальчик. Теперь раз-два, три-четыре-пять-шесть. Молодец. Ничего не болит? Не тошнит? Отлично, молодец. Я говорил, ты у меня молодец, Рана.

Да, тот Рана всегда был молодец. Нынешний Рана ни от кого и никогда больше не услышит молодец, только из воспоминаний, голосом мёртвого человека.

– Пойдём, – говорю на автомате и шикаю.

Киваю Глебу и встаю на ноги. Он за мной, а за нами и Фрейя, которая улеглась, примостив морду на лапах, ожидая меня. Могла бы и ещё дольше прождать.

«Куда пойдём?»

«без разницы. Куда глаза глядят».

«Тебе лучше? Лучше не спешить?»

Именно так. Мне лучше.

Так и бредём по скверу, между деревьев. Палку больше Глеб не кидает, но Фрейя носится туда-обратно, довольная и счастливая, и ничего ей в этой жизни большего не надо. Глеб не испытывает её восторга, и это уже удивляет меня, думал, что он будет вместе с ней, так же радоваться, как собачка, происходящему, а он – нет.

«ты чего?»

«За тебя волнуюсь».

«а что за меня?»

«Тебе ведь плохо было».

Я пожимаю плечами. С кем не бывает. Триггернуло – как сейчас модно говорить. Псина всё-таки. Дело такое, тонкое. Как с ними по-другому? Мог бы, извёл всех, но не могу. Не дозволено. Меня за это зоозащитники покарают, и за эти мысли тоже. Так нельзя, они же живые, понимают нас, чувствуют боль, вон, а псина Глеба так вообще жесты понимает! У неё, наверное, самый высокий IQ среди собак, которых я когда-либо встречал, если вообще не по всей России! Я уверен, эта псина уникальная, но тем не менее – псина, что с неё взять. Вон, весело бегает, лапами перебирает, земля летит, хвостом машет, задыхается от жары, и всё равно довольная, будто выиграла эту жизнь.

«Давай всё-таки чего-нибудь купим?» – спрашивает.

Я сдаюсь, и мы возвращаемся. Идём в кофейню, где после восьми часов скидки. С собаками нельзя, оставляем на привязи, Глеб пишет, что будет, и просит сказать, а сам говорит, что оплатит. Так и делаем. Покупает нам по кофе и пончику. Пончики мы съедаем быстро, чтобы по одной руке друг у друга были свободными. Неудобно это, когда печатать постоянно надо.

«я тебе переведу».

«Не надо, – чуть ли не спрашивает. – Это из-за Фрейи, я понял».

А самому чуть ли не до скорби обидно, жалеет, что взял псину свою, что мне так плохо стало. А мне от этого неприятно, из-за чего завёлся? Я толкаю его, он чуть скатан не роняет, ошалело смотрит на меня, а я хмурюсь.

– Придурок ты, – так и говорю, но ничего не пишу, пусть сам догадывается, что я сказал, может быть, он ещё и по губам читать умеет.

Но нет, не умеет.

«Что ты сказал? Я не понимаю».

«ничего. Забей».

«Рана». – Я снова позволяю себе забрать его телефон, а он этому и не противиться.

Не привык, что люди бывают такими наглыми, прямо из рук телефон забирать, а я могу.

– Ты до чёртиков правильный, аж бесит.

Рана, напиши. Я не умею читать по губам. Этому меня не научили.

– Всё нор-маль-но, – говорю по слогам, будто так он меня расслышит, и ещё громкости добавляю, чтобы точно делу помочь. – Понял? – Конечно, нет.

Телефон ему, а на своём: «забей, правда. Это от бабкиного харчо, она жирную еду любит, а меня от неё тошнит».

И от жирной еды, и от бабки, покрытой с ног до головы этим самым жиром, который трясётся на ней слоем кожи и сала, что его можно срезать, а потом обжаривать на нём те же блины и оладушки.

«Правда?» – с надеждой такой, что аж жалко его мне самому становится, и если бы я мог, так же бы, как его псина посмотрел, соорюив брови домиком.

– Правда. – Вот это он почему-то понимает. Или хочет понять, но приободряется.

Активно стучит по экрану.

«Тогда надо попросить её не делать такую жирную пищу, а то это вредно для организма».

Я киваю для вида. Бабку ничто не переубедит делать всё таким, но приятно. Беспокоится тут обо мне, так беспокоится, как я сам о себе не беспокоюсь. Хороший мальчик. Глеб, какой же ты хороший мальчик, ровно как и твоя псина. Твоя богиня любви в собачьем облиции.

«а ты её так специально назвал?»

«Фрейю? – догадывается. – А как ещё?»

«богиня любви в скандинавской мифологии».

«Правда?» – удивляется он, чуть не выплёскивая кофе.

Он этого не знал? Как он этого не знал? Не специально?

«откуда ты тогда это имя взял?»

«Где-то прочитал и подумал, что красивое».

Мы смотрим друг на друга, жмём стаканчики в руках, а Фрейя, виновница, идёт впереди, машет длинным хвостом из стороны в сторону, трясёт телом, а мы смеемся. Да уж, тупейшая ситуация. Я об одном, а он о другом. И так тоже бывает, значит.

Кофе выпивается, стаканчики летят в мусорку, а солнце даже не думает уходить. Светлое небо пронизывает нас иглами сквозь деревья. Фрейя бежит трусцой, вертится вокруг Глеба, на меня смотрит виновато, словно понимает, что была причиной моего состояния. Откуда бы псине, пусть даже такой, которая знает жесты, это понимать? Она умная, но не человек. Я даже Глебу соврал, а он поверил, с чего бы собаке знать правду?

Зеваю, а он хватает этот жест.

«Устал?»

«не очень спал сегодня, а завтра на работу».

Не знаю, к чему я это пишу. Ему-то есть дело до того, что у тебя там работа?

«Тогда по домам? Тебе и от меня отдохнуть понадобится».

Или всё-таки отлично понимает, что я соврал, и поэтому так аккуратен и внимателен. Я соглашаюсь, но только бы не оставаться в компании чёрно-коричневого мельтешащего пятна. Пусть бежит себе подальше от меня, кусать свой хвост и вылизываться.

«Тебя проводить?»

– Нет, – качаю головой.

«до пешеходного и по своим сторонам». – Глебу этого хватает, принимает, не противится.

Так и идём, без слов, без стука пальцев по экрану. Получается, что я провожаю Глеба. Отпускаю его с поднятой рукой, а через несколько минут получаю от него сообщение: «Хорошо отдохнуть и пусть рабочий день не будет тяжёлым».

Обо всём беспокоится, за всё волнуется. Он со всеми такой. Хороший мальчик. Такие люди миру нужны. Неравнодушные, небезразличные, которые на крик о помощи вызовут полицию, жаль только, что крик этот он не услышит, зато может увидеть. Всё что угодно может увидеть и начать действовать: кого-то позвать, кого-то попросить о помощи, кому-то передать информацию. Окажись такой рядом с домом, который заметил Хмурый, и дело наше накроется, сообщит в полицию, что машина тут стоит, а в ней парень – Боб – в маске сидит, там на стрёме второй – Марли – а дверь приоткрыта, и свет говорит. Странно, непонятно, господа офицеры, разберитесь, пожалуйста, в том, что происходит, а моё дело доложить. Может быть, господа офицеры бы приехали даже вовремя, и успели бы кого-то повязать. Главное, чтобы не Боба, а то как мы уедем?

Дома воняет чесноком и луком, и я понимаю, что, скорее всего, сам провонял собачьей шерстью и слюнями. Баб Нина сидит у себя в комнате, а тётка Райя с Викой – у себя. Я не изменяю их традициям. Стягиваю с себя кофту и принимаюсь к спине. Никакого запаха, только влага. Нет ощущения чужого прикосновения. Псиной Глеб не вонял, хотя именно его руки секунду назад были в собачьей шерсти и с радостью копошились в ней, почёсывая бока.

Я принимаюсь ещё раз. Немного ближе к плечам, ближе к позвонку, и всё равно ничего. Будто меня никто не трогал, ничья рука и не касалась вовсе, только Высоцкий когда-то в прошлом, далеко в прошлом, эфемерным воспоминанием, а не глухонемой Глеб час назад с тёплыми и большими, как тарелки, руками.

Может быть, это я привык к запаху его псины? Рядом же ошивалась, бегала всё, вертела хвостом, башкой своей ошалелой. И смотрела так, Рана, ты чего? Я же тебе ничего не сделаю, Глеб мне сказал не делать – показал не делать, я хорошая, я его послушаю, на тебя не кинусь, правда, а с палкой случайно получилось, вы рядом стояли, я к нему бежала, к тебе бы не побежала, ты просто рядом был, правда, не подумай, я хорошая, я послушная, и хозяин у меня такой же.

Такой же... Я не сказал ему элементарного «спасибо». Прочитал и пошёл до дома, будто и не заметил. Сейчас отвечаю. То самое спасибо, которое зажал. «тебе тоже». Если на работу, если устал и тошнит от бабкиного харчо или своей псины. Не тошнит, я знаю, ты же хороший. Вы все хорошие, вы все молодцы.

4. Царские кудри

– Шура! – привычно визжит бабка.

Вика уже не реагирует, грустно ест свою манку с маслом и сахаром, опустив голову и желая прижать её к тёплому песку, тому самому, что рассыпается на оранжевой плитке в ванной, где мы можем быть друг с другом, наедине, без них всех и говорить. Всего лишь-то. О чём ещё мечтать в этом доме?

– Что такое? Я только проснулся. – Втискиваюсь между столами, задеваю ножку, звенят банки, трясутся листья зелени, сбрасывая капли.

– Ты вчера – вчера где был? – спрашивает так, точно мне столько же, сколько и Вике, если не меньше. – Опять трубку не брал! Сколько мне звонить нужно?

Я конкретно подвисаю. Ни одного от неё пропущенного не видел, а я всю прогулку с Глебом сидел в телефоне, потому что нужно было строчить-строчить-строчить, чтобы он прочитал, чтобы понял меня, «услышал», по-другому же не будет, и ни одного от бабки не было, ни разу не увидел, не сбросил, не подумал про себя: «Чего она ко мне пристала в мой законный выходной?» Не было этого, я уверен, а она такое говорит. В прошлый раз ведь тоже говорила, а

я и не проверил... Надо посмотреть, сколько у меня там от неё пропущенным болтается. Будет очень смешно, если ни одного, а она мне задвигает вот такое.

– Гулял я, нельзя? – спрашиваю и дую в ложку с белой манкой. – Не всё же в четырёх стенах сидеть.

– А с кем – с кем ты гулял, вот скажи мне? Кто эти люди?

Понятно, ни с кем мне гулять нельзя. Сидеть должен в четырёх стенах, под её надзором.

– Алкоголики и наркоманы? Воры?!

Её заносит с полуоборота, что Вике становится некомфортно. Совсем некомфортно, будто прижимают лопаткой к антипригарной поверхности, а мне просто душно. Как обычно, во всей этой задымлённой паром кухне, по которой растекаются прозрачные брызги, которые в первую очередь оседают на ткани голубых фиалок и отвисшей коже, которая болтается из стороны в сторону, как холодец.

– Вова тоже с кем попало возился.

Опять отец. Опять о нём. Как она смеет своим поганым ртом о нём говорить?.. А Вика знает, как меня это бесит, трогает под столом тапкой, просит, умоляет посмотреть на неё, но я смотрю на жирную спину, за которой и плиты не видно.

– И что с ним стало? Ото всех понабрался! Нет чтобы чему-то хорошему научиться!..

Я думаю замахнуться ложкой, а понимаю, зачем мелочиться? Какой в этом смысл? Кидаю тарелку, и она попадает прямо в голову старухи. Белая каша расплзается по седым волосам, мерзопакостной жидкой гульки, которая вылезла из жопы. Бабка не оборачивается, продолжает бормотать, и тогда я беру полную сахарницу. Она всегда полная, потому что каждое утро баб Нина сахар досыпает, чтобы всем хватило – всем: ей и тётке Райке. Кидаю в её спину, а она даже не шевелится, всё так же продолжает говорить об отце, будто это одна её единственная цель в этом мире, и чтобы я в неё не кидал, даже если бы взял нож и пырнул её, если бы взял сковороду с плитки и вылил ей за шею шипящее масло, она бы не замолчала, потому что не это важно. Поэтому и я сидел с ложкой и тарелкой за столом, вместе с Викой, которая гладила под столом и успокаивала: Рана, ты же понимаешь, она всегда такая, она ничего не знает, говорит это от обиды – от своей какой-то там обиды, грустно ей, наверное, только Ране не было до этого дела, дело было только до того, что произносил её рот, полный протезов и имплантов:

– Свести никакой нет сына оставить. Я бы никогда не оставила!.. Так он сам сбежал, надоумился же. Дурак, какой же Вова дурак. И что в голове у него было? Ни-че-го. И тебя, Шура, тебя втянул во всё это. Из-за него ты... Из-за него...

Хорошо искать причину в чём-то внешнем, хорошо сказать: «Это всё он», и сложить свои полномочия, но Высоцкий ни в чём не виноват, я сам выбрал таким быть, сам себе сказал, что хочу этим заниматься, потому что я хочу быть, как он. Всё равно не получилось. Высоцкий ни разу не сидел, а я – три. Увидев меня при жизни, он бы разочаровался: Рана, как так? Я же тебя всему учил, ну а ты что? Вот что ты наделал? Или бы так сказала бабка его губами? Наверное, она. Я не знаю, как бы отреагировал отец, узнав, что меня повязали, но, мне кажется, ему бы это не понравилось. Это бы сказало о том, что он не справился, не научил, не сделал, как надо, просто это я плохой ученик, а он... Он замечательный учитель, и всегда им был

– И водился он с алкоголиками и наркоманами, я-то знаю!

Что она там знает? Когда он с ними водился? Высоцкий не курил, потому что сигареты оставляют запах. Пил он крайне редко, когда приводил к себе женщин, и то, его стакан под конец вечера мог остаться полным, тогда как бутылка опустела, а его спутница уже лежала голой под ним. Он говорил в шутку, что я могу попробовать, если мне интересно. Пиво: светлое, тёмное, но я никогда не пробовал, потому что отец не пил. Никогда не видел его пьяным, он всегда был в трезвом уме и здравой памяти, и для него это было приоритетом. Наркотиков не употреблял по той же причине: не курил, не вдыхал, не кололся, я проводил с ним столько времени, что обязательно бы увидел. Кажется, здоровее человека, чем он, просто не существо-

вало, тогда как все в деревенской округе курили, пили и ругались матом, Высоцкий оставался оплотом культуры и уважения ко всем. Ко мне в первую очередь.

Как поспал, Рана? Хорошо? Ничего не болит? Иди сюда, обниму. Ты холодный. Одеяло ещё нужно? Купим. Надо было раньше сказать. Хочешь пойти сегодня? Пойдём. А на дело? Тоже пойдём, надо присмотреться, поискать, кто у нас тут есть, что можно взять. Что-то определённо можно взять, верно? Верно. Рад, что ты со мной согласен. Почитаем сегодня? Что хочешь? «Старик и море»? Разве тебе от неё не грустно? Грустно, но хочешь? Давай, давай почитаем, сначала ты, потом я, потом снова ты и снова я.

А засохшая, сморщенная саранка всё стояла в бутылке и отсвечивала лучи солнца скрюченными лепестками.

Вливаю в себя по ложке манки, жду, когда попадётся комочек, чтобы сказать бабке, что она не справилась, что вот тут накосячила, но нет, она никогда в таких вещах не косячит. Это то, что она умеет отлично делать, поэтому я глотаю ложку за ложкой вместе с Викой, которая всё на автомате гладит и гладит, будто это стало таким же естественным действием, как дыхание и сердцебиение.

– Шура! Шура, ну ты-то чего молчишь, я же права?! – достигает пика, заходится рёвом.

Скажи, внучок, что я права, что сын мой сбежавший моральный урод и отщепенец. Делаю вид, что не слышу, и Вика останавливается.

– Бабушка, – говорит тихо она, – мне кажется, Ра... Саше тяжело об этом говорить.

– Да какой тяжело? Двадцать семь ему!

Вот и отстань от меня, раз мне двадцать семь. То следит за мной, то просит, чтобы поддакивал, то говорит, что взрослый и самостоятельный, и сам за собой следить буду. Что ей надо? Почему просто не оставит? Мне даже готовить не надо, сам буду. Умею. Отец научил, между прочим, потому что о себе нужно уметь позаботиться, но бабка кухню оккупировала, даже к холодильнику не подпускает, за всем следит.

– Я не хочу об этом говорить, – бурчу, чтобы не закричать.

– Что?! – орёт она, а я сжимаю ложку и думаю, что сейчас, когда она оборачивается ко мне, смотрит жидкими, водянистыми глазами, я действительно эту ложку кину в неё. – А со взглядом что? Разве я неправа? Кем он был?..

– Ты не знаешь, кем он был, – отрезаю я. – Ты ничего о нём не знаешь.

Мои слова её шокируют. В прямом смысле. Открывает рот, руку к сердцу прижимает, Вика аж из панциря вылезает и приговаривает: «Не надо, Рана, не надо, ты же знаешь, что сейчас начнётся, опять начнётся, опять за своё... Ты же не хочешь этого? И я этого не хочу. Никто не хочет».

– Я всё о нём знаю! Он – мой сын!

– Тогда почему сбежал от тебя?! – Ударяю ладонью по столу, тарелки с ложками зверят, чай из кружек выливается. – Ты знаешь, чем он занимался, пока его не было? Пока он был со мной?! Не знаешь! Ни черта не знаешь! И никогда не узнаешь, потому что тебе насрать, потому что ты думаешь, что лучше всех знаешь! И думай так дальше. – Я подрываюсь и ухожу к себе.

– Шура! – орёт она. – Куда – куда пошёл?!

Без разницы, к себе.

Хлопаю дверь и прижимаюсь к ней изнутри.

Тупая бабка, которая думает, что ей всё известно. Ничего ей неизвестно и никогда не будет.

Полыхает. Полыхает изнутри и растапливает устоявшийся ледник, а меня морит в чёрной кофте. Её хочется разорвать на лоскуты, освободиться из кокона, расправить крылья, улететь далеко-далеко. Но одному нельзя, взять бы с собой несчастную черепашку, мне же двадцать семь, наверное, можно, я бы позаботился о ней, потому что ей здесь тоже плохо. Так же плохо, как и мне. Вместе нам было бы хорошо, позаботились бы друг о друге и гладили друг дружку

под столом ногами, чтобы привести в чувства. Хотя зачем? Там бы никого не было, не надо было. Для поддержки. Что бы сказать: я здесь, Вика, я здесь, Рана, мы здесь, и чтобы не говорить «Саша», не говорить «Шура», чтобы говорить «Рана» и не смущаться, не стопорить себя, не говорить: «Сейчас бабка услышит и по губам надаёт».

На чемодан времени нет. Есть только на то, чтобы собраться и свалить из квартиры. По пути стягиваю вещи с сушилки и засовываю в сумку. Даже на Вику не смотрю, снова хлопаю дверью и выхожу в подъезд, где несёт жареным луком и грибам на протяжении всех двенадцати этажей. Сначала я бегу, а между дворов иду медленно, петляю. Смотрю на время, чтобы раньше не заявиться на работу, а мне приходит сообщение от Хмурого. На аватарке начерченный гвоздём на двери машины убитый смайлик с улыбкой. Весь Хмурый в этом. Пишет, свободен ли я на днях. На днях я работаю, а он ковыряет, что, если я буду работать с ним, нигде в других местах работать мне больше не придётся. Если мне больше не придётся, то я перееду в тюрьму, вот что будет. И за меня ни одна Высоцкая не заступится, и Вика до своего совершеннолетия, за эти восемь лет обо мне забудет. Кто такой этот Рана? Какой-то левый родственник, который появился из ниоткуда, выселил меня из комнаты и заставил жить с мамкой. Хорошо хоть мамке пофиг, чем я там на компе занимаюсь, даёт играть два часа вечером – и достаточно, пусть и этого мало, чтобы пройти сюжет, прочитать пустые диалоги, завершить ещё одну арку по спасению человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.